

Странное Воспоминание

АРТУР ДРЕЙК

Артур Дрейк

Странное воспоминание

«Издательские решения»

Дрейк А.

Странное воспоминание / А. Дрейк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857474-0

1850 год. Испорченная репутация обрекает молодого француза Жана-Антуана на бегство из дома и страны. Его путешествие оборачивается встречей с авантюрным разбойником и чередой необыкновенных приключений в мире воров викторианского Лондона. Вскоре Жан-Антуан понимает, что разбойник нажил здесь много врагов. Но главная угроза столь темна и опасна, что кажется байками его нового друга. Потому что иначе — предотвратить катастрофу может лишь воспоминание и шепотка волшебства!

ISBN 978-5-44-857474-0

© Дрейк А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Конфуз	6
Глава 2. Pas de Calais1	19
Глава 3. Два билета	29
Глава 4. Человек, который нанял банду	38
Глава 5. Великий разбойник вернулся	51
Глава 6. Бабочки в сахаре	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Странное воспоминание

Артур Дрейк

© Артур Дрейк, 2019

ISBN 978-5-4485-7474-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Конфуз

Жизнь Жана-Антуана Ревельера была столь мала и незначительна, по мнению его самого, что могла бы уместиться в одной из банок, что стоят внизу во владениях кухарки семьи Ревельер. А будь его жизнь пьесой, она оказалась бы самой скучной постановкой за всю историю театра. С тем же результатом Жан-Антуан мог бы быть узником какой-нибудь темницы, где никогда ничего не происходит. Стоя у окна в обрамлении тяжелых темных штор, этот молодой человек часто размышлял о достижениях, совершенных мужчинами, о которых все говорили. Простирающиеся за окном покрытые снегом владения когда-нибудь достанутся ему по праву наследства, но в отличие от людей, с которыми Жан-Антуан сравнивал себя в обреченной быть неутешительной попытке проанализировать свою маленькую незначительную жизнь, он не обладал теми качествами, чтобы заработать подобные владения собственным трудом и упорством. Ссадины, недавно полученные Жаном-Антуаном во время прогулки с терьером его сестры, никогда не могли бы оказаться ссадинами, полученными им в отважной схватке с бесчестными дикими представителями неблагополучных слоев общества за честь и достоинство какой-нибудь светской красавицы. Все самое волнующее, что случалось с Жаном-Антуаном большую часть его жизни – было наблюдением за тем, как день сменяется ночью, а сезон сменяется другим сезоном за окном его покоев.

Именно таким образом прошли 20 лет его жизни. Юноша остро чувствовал необходимость изменить что-то в ней, не подозревая, что судьба уже готовила для него совершенно невообразимые перемены.

Проснувшись тихим декабрьским утром 1850 года, он поспешил подняться, чтобы быть готовым к охоте на семейных угодьях, на которую запланировали отправиться его отец Роббер Ревельер с добрыми друзьями их семьи Огюстом Мутоном, с дочерью которого Жана-Антуана связывала дружба детства, генералом Густавом Жарди и его племянником Франсуа Моно Людо. Последний был зрел, но сравнительно молод и относился как раз к тем представителям благородных Парижан, которыми Жан-Антуан восхищался и желал бы жить хотя бы немного похожим образом на их насыщенную, успешную и, несомненно, многообещающую жизнь.

Жан-Антуан поистине был очень рад возможности порасспросить господина Мутон о том, как дела у его дочери Полин, давно не оказывающей чести своими визитами, а так же заняться таким мужским занятием, как пешая охота с гончими по зверю. Наравне с Франсуа Моно Людо бросить вызов природе и своим первобытным инстинктам, уподобиться хищникам в их стремлении заполучить добычу собственным трудом. Будучи человеком неискушенным в этом популярном развлечении, Жан-Антуан на радость генералу относился к охоте очень серьезно.

Потуже повязав шарф-галстук на шее, и надев старый сюртук в довершение своего охотничьего облачения, Жан-Антуан не смог сдержать гордой, но в то же время, и чем-то робкой улыбки, глядя на свое отражение в напольном зеркале. За окном еще только светало, и в холодных сумеречных тонах человек в зеркале показался Жану-Антуану кем-то незнакомым, что придало юноше уверенности.

Пустив нормандских гончих в утренний лес, охотники двинулись следом, время от времени покрикивая собакам, чтобы те знали, где находятся охотники, и, помогая гончим вспугнуть зайца. Но погода оказалась явно недооценена мужчинами. Крепкий морозец заставлял двигаться быстро, в то время как собакам требовалось больше времени, чтобы причуять след, с которого они частенько сбивались. Шли, переговариваясь между собой, не плотной группой. Между прочими разговорами отец Жана-Антуана с генералом Жарди увлеченно обсуждали предполагаемые места заячьих лежек. Господин Мутон втянул Франсуа Моно Людо в череду

своих расспросов, утоляющих его любопытство, а Жан-Антуан шел рядом, с интересом слушая рассказ Франсуа о недовольстве министра.

Неожиданно кто-то схватил Жана-Антуана за локоть.

– Скажите, как вы определите нужное прицельное положение упреждающего выстрела по движущейся цели, когда псы погонят зайца? – хитро улыбнувшись, спросил генерал Жарди своим резким голосом, застав юношу врасплох.

В силу своего почтенного возраста и многих лет, отданных делам военным, генерал к своей пенсии сделался весьма дотошным, прямым и требовательным человеком.

– Снова вы взялись за старые расспросы! – посмеялся господин Мутон.

– Даже бывалый охотник может потерять сноровку без регулярной практики, – возразил генерал Жарди. – Тем более важно убедиться, что все новички помнят основы охоты, в такую погоду, как нынче, когда точный выстрел может сберечь несколько часов. Погода не располагает к промахам.

– Не беспокойтесь, господин Мутон, я хорошо изучил теорию, – сообщил Жан-Антуан и повернулся к генералу Жарди. – Уходящего зайца следует бить по кончикам ушей, а встречного по концам передних лап...

– Он у вас и вправду впитывает все, что узнает, Роббер! – одобрительно воскликнул генерал Жарди, недослушав, и кивнул в сторону сына Ревельера. Затем придвинулся ближе к Жану-Антуану и грозно прищурившись, предупредил, чтобы тот не нервничал и слишком крепко не сжимал ружье, когда увидит зайца.

Мутон окинул взглядом редеющий впереди участок леса.

– Предлагаю разойтись шире, господа, – сказал он.

– Вот это я понимаю решение! – поддержал генерал Жарди.

Еще долго лес хранил тишину и убеждал охотников в том, что сегодняшней день оказался не самым благоприятствующим охоте за сезон, и они единственные живые существа, движущиеся между темных стволов деревьев под тяжелым пасмурным небом. Но потом произошло неожиданное. Словно появившись из-под земли, маленький белый с серыми подпалинами заяц со всех лап ринулся меж голых стволов. Две нормандские гончие погнали зайца чуть не наравне с добычей, но вскоре заяц оставил псов позади себя на несколько корпусов. Так стремительная погоня постепенно удалялась в снежную мглу вдали леса. А охотники начали спорить о месте, откуда был поднят заяц. Франсуа Моно Людо утверждал, что он был ближе всего к зайцу и зверь сорвался в паре шагов слева от него. Роббер Ревельер и Огюст Мутон считали, что заяц поднят из под дерева, но не могли сойтись в том, из под какого именно дерева. Жан-Антуан не видел, откуда вообще взялся заяц, но был склонен доверять Франсуа, так как тот, с его слов, был ближе всего к зайцу, в самый первый момент, когда зверь побежал. А генерал Жарди требовал немедленно прекратить всякий шум и определить заячью лежку на глаз. Мутон не доверял способностям генерала, так как в прошлом генералу уже доводилось ошибаться в определении лежек. Все закончилось тем, что охотники договорились, что заяц был поднят не из-под дерева, не в паре шагов от Франсуа, а между всеми указанными местами. Решив, наконец, этот вопрос, они стали ждать, когда ведомый своими строго установленными повадками заяц, побегав кругами от собак, вернется к месту своей лежки.

Став под деревом, чтобы возвращающемуся зайцу было сложнее его увидеть, Жан-Антуан приготовился делать то, что бывалые охотники называют самым увлекательным – ждать. Ждать добычу, предвкушая волнительный момент, когда первобытные инстинкты глубоко в глубине его цивилизованного разума будут утолены застигнутой врасплох жертвой.

Но ждать пришлось очень долго. Весь его слух был устремлен в простирающиеся вокруг лесные просторы, в то время как сам Жан-Антуан оставался недвижим. Кровь начинала согреваться в жилах молодого охотника при мысли, что вот-вот впереди или сбоку появится заяц, и палец Жана-Антуана плавно нажмет на холодный металлический курок. Небольшой и все же

важный в мужском кругу ритуал будет пройден, и Жана-Антуана примут, как принимают Франсуа, а в обществе ему, наконец, будет, о чем рассказать. Он устал от того, что никогда не имел возможности воспользоваться своим талантом умело слагать фразы лишь только потому, что у него никогда не имелось тем для увлекательных рассказов. Если бы у него было столько же опыта, воспоминаний и впечатлений, как у пользующихся популярностью парижан, его рассказы оказались бы ничуть не хуже тех, что рассказывают они. Но даже если он вернется без трофеев, ему все равно уже будет, чем поразить собеседников. Будет, чем поделиться с Полин.

Невзирая на ломоту в замерзших пальцах, сжимающих ружье, сердце Жана-Антуана наполнилось мягким трепетным теплом при мысли об этом прелестнейшем юном создании. Светлые волнистые волосы, ясные янтарные глаза и почти кукольное с мягкими чертами, чувственное лицо. Он видел, как она росла и выросла вместе с ним. Наполнялась женственностью, цвела подобно бутону тюльпана. Превращалась на его глазах в нечто настолько исполненное красоты, что былая дружба таяла в развивающейся нежности, которую Жан-Антуан испытывал по отношению к Полин.

Но, скорее всего, она и помыслить не могла, что он уже давно относится к ней с трепетом, намного превосходящим прежние дружеские отношения. И в то время, пока он месяцами напролет просто стоял и смотрел в окно, любуясь переменной красок в небесных облаках, думая о своей жизни, о вселенной и о волшебстве духовной близости мужчины и женщины, Полин удалялась в мир светского общества. В кругу ее появлялись и другие молодые люди, способные завоевать ее сердце. Они способны часами рассказывать о промышленности, политике и прочих малопонятных для Полин вещах, создавая образ самодостаточных господ. А Жан-Антуан оставался для нее тем, кто практически всегда лишь слушал Полин, потому она имела смутное представление о том, каким человеком он стал.

Он немо участвовал в ее жизни, а она только изредка заглядывала в его собственную жизнь. Если бы он откровенно заговорил о своих чувствах, то быть может, их жизни переплелись. Но он молчал. Хотя все слова уже давно были придуманы. И первый шаг на пути к этому разговору был шагом в общество, которым интересовалась Полин. А в подобном деле следовало заручиться дружеской поддержкой таких основательных людей, как, к примеру, Франсуа и генерал Жарди.

Издали, показалось, донесся собачий лай. Но Жан-Антуан не был уверен. Он затаил дыхание и долго вслушивался в утреннюю даль, пока не убедился, что лай ему просто послышался. Видимо заяц, невзирая на такую скверную для длительных прогулок погоду, решил сделать приличных размеров круг. Может быть, ему никак не удавалось оторваться от гончих и он, кружа, ушел очень далеко. Но в то же время, следовало уже приготовиться в любую минуту сделать долгожданный выстрел.

Пальцы теперь и вовсе онемели, насквозь промерзнув. Едва уловимый восточный ветер медленно опускал редкие снежинки на его лицо, и они еще долго не таяли на замерзшей коже. Тишина. И никакого движения. Кроме беззвучно удаляющего пара его собственного дыхания.

Жан-Антуан заметил, что в лесу стало намного светлее, а может быть, он слишком долго смотрел на снег. Он успел изучить изгибы стволов и дивные узоры веток каждого дерева, что находились в поле его наблюдения. Когда он закрывал слезившиеся на морозе глаза, силуэты виденных деревьев все равно оставались перед его взором в виде лилово-синих разводов. Иногда он спрашивал себя, что он здесь делает, но причин быть здесь, участвовать в собственной жизни было больше, чем смотреть на жизнь других из окна.

Наступал день. Солнце так и не появилось. Где-то в стороне хрустнул снег под ногами Франсуа. От этого звука рука Жана-Антуана, сжимавшая ружье, дернулась, но он быстро распознал происхождение хруста. Промерзнув и начав сомневаться в постоянстве заячьих повадок, юноша заскучал. Жажда охоты постепенно заменялась мыслями о распространяющемся

замерзании, но он гнал прочие мысли. Если бы он был волком, то не жалея себя он преследовал бы лишь одну единственную в данный момент цель. Добычу. Терпение и выносливость щедро вознаграждаются природой, сказал он себе.

Вдали снова послышался лай. На этот раз Жан-Антуан был уверен. Посреди сухих кустарников в бледном росчерке леса означилось какое-то движение. Жан-Антуан, стараясь производить как можно меньше шума, приготовился сделать выстрел. Плечи его напряглись от веса ружья, целиком взгромоздившегося на замерзшие и онемевшие руки. Вот стремительным стрелкачом, то появляясь, то исчезая, между стволами деревьев с северо-востока резво приближался заяц. Молодой охотник взял его на мушку. Он ослабил хватку накрепко впившихся в ружье пальцев и теперь сосредоточенный и забывший думать о том, что может промахнуться и спугнуть зайца, плавно нажал на холодный курок. Выстрел волной оглушительного эха прокатился по всему лесу, встрепенув стылый воздух облаком раскаленных паров.

Заяц упал в снег. Жана-Антуана наполнила гордость. И вдруг, он увидел, как через несколько деревьев слева еще один стрелок опускает свое ружье, и испытал горечь поражения, поняв, что он промахнулся, а Франсуа – нет.

Франсуа повесил ружье через плечо и направился к убитому зайцу, с улыбкой кивнув Жану-Антуану. Где-то позади раздались голоса приближающихся Ревельера старшего, Мутона и генерала Жарди. Франсуа опустил на одно колено над своей добычей, перерезал перегородку между ноздрями зайца и немного подержал его вниз головой, пока не стекла кровь. От кровавой струйки в воздух поднимался пар. Гончие бегали вокруг и размахивали хвостами, в ожидании, когда им кинут поощрительное лакомство.

– Пускай в этот раз вы меня обошли, но следующий заяц будет моим, – решительно сообщил Жан-Антуан, подходя к Франсуа.

Тот улыбнулся.

– Конечно. Но я не преследовал цели обойти вас. После того, как вы не попали, я предпринял незамедлительный выстрел, чтобы заяц не убежал, – он перевернул зайца и теперь, придерживая его за голову, нажал на низ брюшка, чтобы спустить мочу. – Если хотите, я не буду стрелять в следующий раз.

– Не нужно ему уступать! – отрезал генерал Жарди из-за спины Жана-Антуана. – Держу пари, парень сможет сдержать слово.

Франсуа вопрошающе посмотрел на Жана-Антуана.

Юноша заметил на себе заинтересованные разговором взгляды своего отца и Мутона.

– Безусловно, это так, – поспешил подтвердить Жан-Антуан.

После того как гончие проглотили брошенные им внутренности зайца, охотники двинулись дальше. Они пошли под пригорок, обходя густо заросшую овражистую чащобу, следом за которым открывались поле и низко холмистые леса, в которых заканчивались земли Ревельеров. Таким образом, их общий маршрут выполнял большой крюк. К полудню планировалось охоту завершать. По дороге к полю им попались подряд сразу два зайца. В одного стрелял Мутон, в другого Жан-Антуан почти сразу, как зайцев подняли и погнали собаки. Оба охотника попали по целям. С зайцем Жан-Антуан провозился дольше остальных. Сначала он подрезал носовую перегородку, но кровь почему-то не потекла. Потом долго копался с внутренностями зайца, отмечая для себя, что не каждый охотник должен заниматься потрошением. После этого они погоняли гончих по полю, но собаки никого не подняли, и провели в переходах по лесу еще пару часов. Возвращаясь южной тропой, охотники случайно наткнулись на еще одного зайца, которого бил старший Ревельер. Генерал Жарди на обратном пути долго молчал, видимо негодуя по поводу своего промаха. Тем не менее, мужчины заговорили о государственных делах. И снова Франсуа оказался в центре внимания.

– А вы знаете, господа, что я вчера наносил визит министру? – оживился вскоре генерал Жарди.

– И что же? Как у него дела? Есть какие-то интересные новости? – осведомился Мутон.

– Кое-какие имеются! – хитро протянул генерал. – Мы разговаривали о внешних делах республики и о премьер-министре с его застойным кабинетом, потом я поинтересовался, как обстоят дела в его министерстве. Министр сообщил, что со следующего же года пост его помощника освобождается, и он, министр, дал понять, что у нашего Франсуа есть основания рассчитывать на продвижение в министерстве! Подразумевается должность его помощника.

Удивленный Ревельер посмотрел на Франсуа в поисках подтверждения слов генерала:

– О! В самом деле?

– Что ж, это весьма в его духе. Министр никогда не отличался выдающимся терпением, – сдерживая радость, проговорил Франсуа. – А я ведь просил его пока никому не говорить до официального назначения...

– Так ведь вы знали об этом, но все это время молчали? – спросил Мутон.

– Конечно, знал, – улыбнулся Франсуа, – но не хотел хвалиться заранее.

– Вот он, достойный муж республики! – провозгласил генерал.

– Тогда долженствует поздравить вас, господин Людо, – громко отозвался Ревельер, и все единогласно поддержали.

– Да! Тысячу раз да! – отозвался генерал.

На Франсуа посыпались поздравления и расспросы, требующие разного рода подробностей, на которые будущий помощник министра отвечал уклончиво.

– Поделитесь секретом успешной карьеры, – попросил Жан-Антуан. – Вашими успехами не перестаешь восхищаться. У вас, верно, есть какой-нибудь принцип, которому вы следуете неизменно.

– На самом деле, это не совсем так, – повернулся Франсуа к Жану-Антуану. – Любому человеку следует неуклонно идти прямым курсом, невзирая ни на что. И никогда не сворачивать. Вы понимаете?

И хотя эти слова были более образны и, что вероятнее всего, отработаны им ранее, как козырная фраза, но они и правда крепко засели в кудрявой голове Жана-Антуана. Оставалось только понять, что за курс он держит, ведь если оглянуться, то по большому счету всю свою жизнь Жан-Антуан стоял на приколе и никуда толком не направлялся вопреки своим желаниям.

– Ну а как насчет женитьбы? Вы планируете остепениться? – спросил Мутон. – Не будете же вы и дальше вести свой холостяцкий образ жизни на должности помощника министра?

– Вот как раз об этом я и хотел с вами переговорить, – вскинув палец в воздух, вспомнил Франсуа и увлек Мутона в сторону от всей компании. – Вы идите, мы догоним, – крикнул он остальным.

Роббер Ревельер и генерал Жарди продолжили обсуждать здоровье жены министра, медленно зашагав дальше, а Жан-Антуан остался на месте, глядя вслед удаляющимся в сторону Франсуа Моно Людо и Огюсту Мутону. Вскоре те остановились между молодыми раскидистыми деревьями, отвернувшись от нарастающего ветра. Они долго что-то обсуждали. Сначала оба выглядели вполне обычно, но потом в них начало что-то меняться.

Ни слова не было слышно. На какое-то мгновение Жану-Антуану показалось, что господин Мутон с некоторым холодом уставился на своего собеседника, но Франсуа говорил горячно, все время жестикулируя и не обращая внимания на перемены в Мутоне. Когда же Франсуа закончил, оба долго молчали, глядя друг на друга. Франсуа что-то быстро сказал и развернулся, чтобы идти обратно, но Мутон его задержал за руку. Когда Франсуа обернулся, тот покачал головой, пожал плечами, затем утвердительно покивал и похлопал Франсуа по плечу. Оба улыбнулись и коротко обнялись.

Еще больше Жана-Антуана сбила с толку сияющая радость на лице Франсуа. Радость, заметно омолодившая весь его облик. Заметив Жана-Антуана, Франсуа предложил громким и непринужденным голосом, будто они и вправду были давними друзьями:

– Пойдемте, друг мой!

Юноша посмотрел на господина Мутона, тот выглядел несколько озадаченным, хотя в целом таким же посвежевшим, как и Франсуа. Жан-Антуан не имел особенности природы лезть в чужие дела, потому не ударился в расспросы, однако гадать ему оставалось совсем не долго. Нагнав Ревельера старшего и генерала Жарди, Мутон обернулся к шедшим позади Франсуа и Жану-Антуану:

– Полагаю, можно сообщить всем радостную новость?

Поправив волосы, Франсуа кивнул и впервые показался Жану-Антуану чуть смущенным.

– Полагаю, можно, господин Мутон.

– Что еще за новость? – скептически спросил генерал, словно Мутон попытался умалить вести о скором назначении его племянника.

Мутон окинул всех сосредоточенным взглядом, набрал в грудь побольше воздуха и провозгласил:

– Только что Франсуа просил у меня дозволения жениться на моей Полин! Я ответил удовлетворительно и теперь, очевидно, Франсуа станет моим зятем.

Прозвучавшие слова оглушили Жана-Антуана подобно грому. И последующие возгласы померкли в шуме его собственных мыслей. Будущее, в котором он не мог объяснить с Полин, не мог обнять ее, не мог быть ее мужем или, наоборот, хотя бы по собственной воле отпустить ее из сердца, лишало смысла любое существование настоящего. Робкая тайна его увлеченности Полин была надежно похоронена под простирающимся будущим другого мужчины. Жан-Антуан почувствовал себя лишним. Он, как бы ни силился измениться, не принадлежал к этому миру точно так же, как Полин не принадлежала больше ему.

Сегодня его постигло большее из всех разочарований его жизни. И в то время, как жизнь Франсуа Моно Людо стала чуточку счастливее, жизнь Жана-Антуана Ревельера стала несчастной и невыносимо одинокой.

Он медленно зашагал вслед за остальными, толком не видя, куда ступает, и не слыша радостных голосов охотников.

Мужчины же возвращались с охоты, часто смеясь, громко выкрикивая фразы, обсуждая какой удачный выдался день, пусть охота и не принесла много добычи и впечатлений, но поговорили они на славу! Зайцы, висевшие на тороках, уже не имели былого значения в свете таких чудесных новостей. Мужчины уговорились после обеда у Ревельеров отметить событие в неформальной обстановке за рюмкой коньяка. Они бодро несли свои ружья, генерал смеялся с предсвадебной суматохи, какую разовьют дамы и отпуская по этому поводу шутки, пропитанные явно солдатской живописностью. Мутон и генерал вслух думали, кого пригласить на свадьбу, а Ревельер рассказывал Франсуа, как он удивлен этой новости и что он никогда бы не заподозрил, что у Франсуа есть чувства к Полин, отдавая должное удивительной сдержанности и силе выдержки Франсуа. Словом, мужчины так увлеклись разговорами, что не заметили отсутствия Жана-Антуана. А когда все же заметили это у кромки леса и стали его звать, то были уже так далеко, что докричаться не могли.

По небу быстро проносились свисающие гребни бурых снежных туч. День клонился к сумеркам и земляные стены неровной расщелиной обрамляли овальный просвет неба. Когда Жан-Антуан открыл глаза, он еще долго лежал, постепенно приходя в себя, пока сознание восстанавливало связи между реальным и несуществующим. Вскоре голубая радужка сжалась вокруг зрачка. Брови его дернулись от непонимания. Жан-Антуан попытался понять сначала,

где он, потом который сегодня день. Память начала восстанавливать события, произошедшие много месяцев назад. А может быть всего несколько дней назад?

Первое, что он почувствовал, это как сильно у него пересохло во рту. Следом, что он очень замерз и продолжает лежать в ледяном снегу. Одежда его промокла. Возможности согреться в ближайшее время не предвиделось. Поднявшись на ноги, Жан-Антуан обнаружил, что боль в голове отзывается на движение каждого мускула его тела.

До края ямы ему было не дотянуться, а попытки вылезти по мерзлым стенам привели только к ушибам, поэтому их пришлось прекратить. Обхватив себя руками и уставившись в присыпанную снегом рябь противоположной стены, юноша стал ждать, когда его найдут. Но время тянулось долго, а нещадный мороз лишал томительные минуты ожиданий всякого покоя.

Не унимаемая дрожь во всем теле и головная боль сводили с ума человека запертого в некоем подобии могилы. Но Жан-Антуан не торопился умирать. В нем кипела злость и обида. Падение в эту яму лишь распалили его чувства, а вернувшийся из темноты бессознательного состояния ум пытался зацепиться хоть за что-то. И если не за продумывание новых попыток взобраться по стенам на поверхность, то уж точно за событие, основательно подкосившее дух Жана-Антуана.

Неожиданно для себя юноша открыл ненависть и внутреннюю силу, которую дает ненависть. Обжигающую болью, заставляющую страдать, но все же силу, заменяющую волю к жизни и заставляющую действовать безжалостно. До костей продрогший, одинокий и беспомощный он злился на самого себя, на окружающую яму, на охоту и больше всего на Франсуа. Этот человек, будучи успешным и счастливым едва ли ни нарочно решил отнять у Жана-Антуана все, что скрашивало его скучную и, возможно, бесперспективную жизнь! Впрочем, нет, не нарочно. Никто не знал о чувствах Жана-Антуана к Полин. Но до чего же несправедливо все обернулось. Как это все ему осточертело!

В таких мыслях Жан-Антуан пребывал еще очень долго. Пока не начало темнеть и холод не стал вытеснять даже злость. Промокшая от снега одежда делала все движения невыносимо ледяными, а мороз изводил его, когда Жан-Антуан стоял на месте. Бледные замерзшие пальцы ничего не чувствовали и казались в вечернем свете совсем синими. Совсем как снег. А земля, со всех сторон вздымающаяся над Жаном-Антуаном – черной. Помощь не придет. Его ищут, скорее всего, совершенно в другой стороне. А может быть, Франсуа настолько всех уболтал, что его и не ищут вовсе. Оно и понятно! Зачем Робберу Ревельеру бесперспективный сын, Жан-Антуан, если есть Франсуа, достойный муж республики!

И тут Жана-Антуана посетила мысль, перевернувшая все его горе и черную меланхолию вверх дном. Настолько простая и спасительная мысль, что она даже не могла считаться планом мести. Это долг перед самим собой, которым Жан-Антуан, оказавшись в отчаянном положении, просто не мог пренебречь. Мысль заключалась в том, что изрядно поколебавшееся равновесие справедливости во что бы то ни стало следовало восстановить.

Такой ли уж достойный Франсуа муж республики? Жан-Антуан обиженно хмыкнул. Но теперь он знал, что сделает первым же делом, как выберется из этой треклятой ямы и вернется домой. Он уничтожит будущее Франсуа точно так же, как Франсуа уничтожил его будущее!

Теперь время тянулась не так долго. Жан-Антуан продумывал и наслаждался каждой деталью своего плана. Перед ним открывались возможности, о которых он и не подозревал. Возможности управлять чужой судьбой. Умышленно! Он лелеял свой план и впервые в жизни наслаждался одиночеством.

Стемнело. Иногда стены ямы сливались с тенями, пронесившимися в тучах. В темноте бывало, казалось, что Жан-Антуан в яме не один. Но игры воображения не пугали ум, охвачен-

ный жадной мести. Ветер донес до него далекие голоса. Жан-Антуан не сразу обратил на звуки внимание. Холод уже начал забирать его сознание куда-то в дремоту.

Голоса то там, то здесь становились все ближе, но в минуты, когда они замолкали, становилось страшно, а потом он снова начинал засыпать.

Кричали его имя. Он поднялся на ноги и начал кричать в простирающееся над ним небо. Крик Жана-Антуана оказался куда слабее, чем он думал. А пересохший язык делал слова мало-разборчивыми.

Голос с поверхности прокричал остальным, что он нашел его. А потом вдруг все стихло. И больше не было никаких голосов. Теперь юноша испугался по-настоящему. Он кричал, звал, но никто не откликнулся. И вдруг прямо над головой раздался резкий скрипучий смех.

– Вот ты и попался!

Жан-Антуан поднял голову и увидел как темную фигуру, возвышающуюся над краем ямы, начинает освещать желтый отсвет фонаря. Сзади приближался кто-то еще.

– Снимай тороку, парень.

– Генерал Жарди? – через стучащие зубы спросил Жан-Антуан.

Фигура скрылась из виду. Потом снова раздался тот скрипучий смех.

– Парня угораздило свалиться в эту дыру, – сказал он кому-то.

У самого края ямы опустил фонарь, сбросив горсть снега на Жана-Антуана. Сверху протянулась рука его отца.

– Давай сюда тороку и сам держись за нее. Будем тянуть, – сказал Роббер.

Жан-Антуан так и поступил. Подбросив тороку с зайцем в руки двух человек, он ухватился за нее и, приложив усилия, Ревельер с генералом Жарди медленно подтащили Жана-Антуана к поверхности. Он ухватился рукой за снег, а отец подтянул его за пояс. Так на четвереньках Жан-Антуан выполз и перекатился на снег, который показался ему даже теплее того, что покоился на дне ямы.

– Эх ты! Шкуру испоганил! – проворчал генерал, разглядывая раздавленное тельце зайца на тороке, поврежденное, видимо во время падения Жана-Антуана.

– Поверьте, я не нарочно.

– Ага, и мочой он у тебя воняет.

Отец посмеялся.

Вернувшись в дом, Жан-Антуан увидел, что обед еще так и не состоялся. Вместе со слугами его искали все, кто был на охоте. Мать радовалась его возвращению, а сестра наоборот высказала ему о своем недовольстве, потому что своим исчезновением он испортил ей настроение. На Франсуа он не взглянул. По большому счету он никого не хотел видеть, и после горячей ванны и растирания обтиркой, он выпроводил служанку из своей комнаты, пообещав, что выполнит распоряжение своей матери и проведет весь вечер, не вставая с постели с грелкой.

В одиночестве стоя у только что захлопнутой двери, он ощутил злость и досаду, с новой силой разгоревшиеся в его груди. Но от тягостных чувств он всячески пытался отстраниться, сохраняя трезвость мысли для предстоящего дела. Однако ему лишь казалось, что он успешно игнорирует свое эмоциональное состояние распаленное травмой головы, полученной во время сегодняшнего падения. В действительности он крупными шагами преодолевал расстояние поперек исчерченной густыми тенями комнаты в изножье своей кровати, горячо потрясал руками в такт своим мыслям, незаметно для самого себя останавливался и смотрел в стену, вспоминая прекрасное лицо Полин.

Хорошенько все обдумав, он сел за стол, взял перо и бумагу и начал писать черновик письма при свете трех свечей.

После полуночи на столе в подрагивающем тусклом свете покоилось несколько испитых листов, заляпанных чернильными каплями с многократно перечеркнутыми строками. Все они дали возможность написать одно конспективное и аккуратное письмо, выполненное

крупным витиеватым почерком и адресованное премьер-министру Альфонсу Анри Д'Отпулю. Закончив, Жан-Антуан написал имя премьер-министра на конверте, несколько раз перечитал исписанные черновые листы, собрал их и отложил в сторону, чтобы потом порвать. Аккуратно сложив письмо в конверт, он запечатал его и положил в карман сюртука, в котором планировал выехать завтра в город. Задул свечи и лег в теплую постель.

Этой ночью он так и не заснул.

Из дома еще до завтрака Жан-Антуан отправился в Париж, чтобы передать письмо премьер-министру. По пути он выбросил клочки разорванных черновиков. Прибыв в резиденцию Д'Отпуля он оставил письмо секретарю со словами, что содержащаяся в письме информация представляет государственную важность. И не может быть прочитана никем кроме премьер-министра. На вопрос о его имени он назвался первым пришедшим в голову именем и ушел. Но так вышло ввиду спешности и неподготовленности сего предприятия, что первое пришедшее в голову имя было именем господина Мутона, а фамилия – генерала Жарди. Прозвучавшее имя было таким спонтанным экспромтом, что оно даже не отложилось в памяти Жана-Антуана. Он лишь удивился тому, как быстро он нашелся что сказать.

Домой Жан-Антуан возвращался в добром предчувствии, исполненный надеждой, что сегодняшнее дело может разрешить необратимость потери Полин, и оглядывал парижские улицы с легкостью на сердце и полной противоположностью того черного состояния, в котором пребывала его мятушаяся душа большую часть вчерашнего дня и ночи.

Спустя две недели мадам Брантень устраивала светский прием в своем доме в Париже по случаю приближающихся зимних праздников. Это была женщина широкой души и соответствующими стремлениями к роскоши. Прием был особенно важен тем, что проводился впервые за несколько лет перерыва, связанного с политическими волнениями недавних лет. Закончив с приобретением нового имущества, мадам Брантень вернулась к своей старой доброй традиции. Будучи дамой, не терпящей скуки, она всегда собирала широкий круг приглашенных. За время своего существования вечера, устраиваемые мадам Брантень, снискали большую популярность сразу после официальных приемов. В этот раз в доме у нее собралось особенно много народа. От деятелей политики до модных представителей богемы. Весь цвет Парижа.

Жан-Антуан сопровождал свою сестру, получившую приглашение. Должно быть, в суматохе подготовки к приему в приглашение забыли вписать его имя. За прошедшие две недели Жан-Антуан не изменил своим привычкам и не пошел бы на сегодняшний прием, не имея он возможности встретить здесь Франсуа. Откровенно говоря, ему не терпелось узнать, как обстоят дела у достойного мужа республики. Между тем он пытался насладиться образом жизни, привлекавшим столь многих парижан. Он заготовил несколько фраз сожаления для своего доброго друга Франсуа. Они были тем более натуральны для Жана-Антуана, учитывая, что до него дошли сведения об обстоятельствах пока что несостоявшейся помолвки Франсуа и Полин. Дело в том, что после недавнего предложения руки и сердца достойного мужа республики, Полин сказала, что ей нужно подумать и с тех пор с Франсуа не виделась. Когда Жан-Антуан узнал эту новость, лежа в своей постели, почти в беспомыслии после переохлаждения полученного в лесу на охоте, его здоровье резко пошло на поправку. И теперь, прошедший душевные и телесные муки, Жан-Антуан готовился увидеть этим вечером несчастье Франсуа, и Полин, в компании которой Жан-Антуан собирался провести все время приема, пока что в качестве верного друга.

Его бодрого настроения не изменило даже странное обстоятельство, произошедшее вскоре после его появления на приеме: когда он увидел несколько знакомых лиц и подошел чтобы поприветствовать, дамы тут же разошлись, а мужчины не соизволили ответить на приветствие и отказались пожать ему руку. Неужели он так изменился за те несколько сезонов, что они не виделись? Или все еще не здоров на вид, что показался им кем-то другим, и они его

не узнали? Ему пришлось тут же покинуть эту компанию и двинуться дальше по залу, высматривая свою сестру и любуясь модным орнаментом на стенах.

Проходя мимо компании двух пожилых пар, он услышал, как кто-то из них с осуждением произнес нечто малоприятное. На мгновение Жану-Антуану даже показалось, что прозвучало его имя. Вместе с Жаном-Антуаном приглушенный шепот вскоре обошел весь зал. И люди начали расступаться в стороны.

В образовавшемся свободном пространстве Жан-Антуан с легкостью смог найти глазами генерала Жарди и мсье Мутона, с высокими бокалами шампанского в руках увлеченно обсуждающими со своими знакомыми политику колониальной деятельности, в то время, как все вокруг начали замолкать и обращать свои взгляды на Жана-Антуана.

Неожиданно из-за спин Жарди и Мутона медленно показался Франсуа и громко поприветствовал Жана-Антуана. После чего весь цвет Парижа полностью смолк, и все внимание посвятил происходящему.

– Чем я вас обидел, Ревельер? – громко спросил Франсуа Моно Людо, сделав решительный шаг навстречу Жану-Антуану.

Замерший юноша растерялся и не смог даже промолчать что-то в ответ, хотя осознавал острую необходимость ответить.

Несмотря на недвусмысленные обстоятельства, он сомневался, что речь идет о его письме премьер-министру. Скорее он даже надеялся, что речь идет не об этом. Поскольку в противном случае, вопрос Франсуа означал бы, что его личность каким-то образом раскрыли и, что самое ужасное, вместо того чтобы принять во внимание сообщение Жана-Антуана и предпринять скорейшие меры в отношении Франсуа, они, премьер-министр или его подчиненные попросту рассказали обо всем самому Франсуа. Но тогда это был бы самый безответственный поступок Д'Отпуля по отношению к государству. Не мог же премьер-министр, в конце концов, быть настолько проницателен, чтобы разгадать ложь Жана-Антуана!

– Я спрашиваю, чем я так обидел вас, что вы позволили себе подобный поступок? Извольте отвечать! – повысив голос, требовательно произнес Франсуа. Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги.

Чернильные строки были до того знакомы Жану-Антуану, что теперь он окончательно пришел в ужас. Взгляд его только скользнул по лицу Полин, с укором взиравшей на него из толпы.

В ее глазах юноша увидел отречение от их дружбы.

– Вы не хотите хотя бы сейчас проявить милость ко мне и объясниться? Если бы я хотя бы знал, в чем моя вина пред вами, Ревельер, то быть может, перестал бы терзаться вопросом, чем я заслужил такое отношение. Вы все еще молчите? – продолжал Франсуа, разворачивая письмо Жана-Антуана. – Дамы и господа, прошу меня простить за эту сцену, но каждый гражданин имеет право признать свою вину, если таковая имеется или отстоять свое доброе имя, если оно было опорочено. С вашего позволения и полагаясь на ваш справедливый суд, я зачитаю то, что вышло из-под едкого пера сего онемевшего человека.

Жан-Антуан почувствовал, что прирос к полу, не в силах сдвинуться с места от потрясения и страха.

– «Уважаемый премьер-министр Д'Отпуль! – начал вслух зачитывать Франсуа. – Довожу до вашего сведения тревожнейшую информацию – не спрашивайте, каких трудов мне стоило ее добыть, – что республика под угрозой: министр торговли бесчестным образом и со злым умыслом введенный в заблуждение, недавно принял решение о назначении в свои помощники тайного приверженца радикального гражданского движения, организованного с целью свержения действующей власти. Речь идет о человеке по имени Франсуа Моно Людо, который является идейным вдохновителем указанной выше организации. Его внедрение в государственный аппарат очень обеспокоило меня, как француза и честного гражданина республики. Боясь за свою

жизнь, я не мог передать эти сведения министру, так как мсье Моно Людо, возможно, имеет тайный доступ к корреспонденции или входящей почте министра. Прошу вас безотлагательно принять меры. Судьба Франции в ваших руках!»

Дочитав, Франсуа в голос нарочито рассмеялся. По залу прокатился осуждающий ропот. Все смотрели на Жана-Антуана.

– *Это даже не клеветническая клевета, а просто фарс!* Таковы были слова министра, когда премьер-министр спросил его об этом, – громко огласил Франсуа, сверля Жана-Антуана пугающе волевым взглядом. Тени на его лице сделались жестче. – Однако, премьер-министр Д’Отпуль не советовал министру ставить на должность его помощника человека, имя которого упоминается пусть даже в ложном, но, тем не менее, в подобном письме. Таким образом, вы, мсье, умышленно нанесли вред моей карьере и работе, хотя и не смогли очернить мое имя. Что же до вашей личности, тут, я полагаю, не требуются пояснения, поскольку тень преступления отчетливо видна на вашем лице, но они не будут лишними, чтобы окончательно закрыть этот вопрос. Министр спросил премьер-министра, кто автор этого фарса, и тот назвал имя, которое вы назвали секретарю. Огюст Жарди. Такого человека министр не знал, зато лично знал моего дядю, генерала Жарди и Огюста Мутона, отца моей невесты и быстро сообразил, что имя это было вымышлено человеком, так же знакомым с ними. Оставался лишь последний штрих. Описание. К счастью, секретарь премьер-министра занимает свою должность благодаря соответствующим качествам, в частности, обладает внимательностью. Потому он смог составить исчерпывающий словесный портрет, по которому вас опознал генерал Жарди, приглашенный специально для этого самим министром.

Жан-Антуан отдернул голову и опустил взгляд, заметив блестящие глаза старого генерала. Юноше стало душно, в глазах темнело. Он ощущал, как перестает сознавать происходящее и владеть собой. Он был в наихудшем положении, а торжествующий и одновременно грозный голос истины, голос Франсуа словно бы передал окружающим мысли Жана-Антуана:

– Каковы бы ни были ваши мотивы, вы не смогли их достичь, вы не смогли нанести мне столь же существенный вред, какой нанесли самому себе, – в словах проскальзывала искусная игра, талант оратора и изничтожающий оттенок сочувствия к своему зложелателю Жану-Антуану. – Узнав все обстоятельства, я не мог поверить, что в этом замешан мой добрый друг и сын уважаемого человека Роббера Ревельера. Я и сейчас уверяю себя в том, что ваш поступок является следствием травмы головы, полученной в результате вашего падения на недавней охоте. Но, тем не менее, ваш поступок низок и недопустим, а потому я считаю, что имею право знать, что вас на него побудило на самом деле? Я бы хотел услышать это от вас лично.

Жан-Антуан не смел поднимать глаз, не смел больше смотреть на Полин или кого-то еще, последним, полным надежды взором. Он глянул лишь на свою сестру, но та не смотрела на него. Единственная из всех присутствующих.

– Ну же! Отвечай парень, – требовательно крикнул генерал Жарди.

Намокшими ладонями Жан-Антуан вытер мокрый лоб.

– Я... – пробормотал он. – Это ужасная ошибка, я этого не писал...

Франсуа отшатнулся, как от пощечины и стал спешно складывать листок бумаги, не помня себя от полноты чувств. К нему подошел Огюст Мутон и успокаивающе похлопал по плечу.

– Какой стыд! – возопил генерал, и все закивали, соглашаясь с ним.

– ...нет, я... это правда... – задыхаясь, взмолился Жан-Антуан.

– Господа! – вперед вышла мадам Брантень и обвела присутствующих долгим взглядом. – Сойдемся на том, что сцена затянулась, а нам еще многое предстоит обсудить и отметить сегодня. Не будем омрачать столь дивный вечер. Пусть этот молодой человек, этот преступник, недостойный быть среди нас, покинет этот дом, разве я не права?

Присутствующие вновь одобрительно закивали.

– Вы слышали, – скользнув взглядом мимо пятящегося Жана-Антуана, произнесла мадам Брантень, – ступайте прочь, убирайтесь! И не смейте больше появляться на пороге этого дома.

Невольно в последний раз заметив лицо Полин, обращенное в его сторону, словно на покойника, он увидел, что лицо это полно презрения.

Юноша сорвался с места и побежал под смех генерала и осуждающий ропот толпы. Натыкаясь на людей, выбивая из их рук бокалы, он чувствовал, что становится все меньше и ничтожнее. Он не смотрел на них, не в силах снести того, что и так на него свалилось. За спиной у него нарастал гвалт взволнованных и возмущенных голосов, когда он вырвался из духоты на мороз.

Не помня себя, Жан-Антуан вскочил на лошадь и погнал ее в темноту ночного Парижа – города, в одночасье ставшего ненавистным для юноши.

Сквозь стегавшие лицо порывы ледяного ветра он мчался домой. Разум его не мог принять произошедшее. А горечь, разъедавшая всю душу, неслась следом за ним, как бы быстро Жан-Антуан ни погонял лошадь.

Во всем огромном и невероятно жестоком мире он был теперь совершенно один, и всякая надежда оставила его. Люди, которые прежде знали Жана-Антуана как сына прямолинейного и честного Ревельера, навсегда изменили свое мнение. А Жан-Антуан стал для них бесчестным подлецом, без зазрения совести способным разрушить жизнь любого благородного парижанина. В глазах общества он пал и был отвергнут. Попытаться снискать общественного прощения было бы глупостью. Он не желал больше видеть презирающие, холодные взгляды. Взгляды, явственно говорившие, что лучше бы он умер, чем позорил свою семью.

Едва он сошел на землю в конюшне отчего дома, как невероятная обида подожегла его сердце, и Жан-Антуан заплакал плачем, горящим по его несбывшимся мечтам и загубленному будущему. Это то небольшое, на что надеялась его душа. Это все, что у него было, и чего он лишился. Под сводом вселенной, бессильно склонившись над снегом, Жан-Антуан плакал как мальчишка, в то время, как весь цвет Парижа продолжал упиваться падением этого мальчишки.

Когда же Жан-Антуан взял себя в руки, поняв, как он сейчас жалок, он с отчаяньем принялся искать пути для разрешения своего ужасного положения. Но таковых не осталось. Он лишился не только Полин, но и ее доброго расположения к себе. И был запятнан грязью собственных поступков. Поступков не достойных мужчины.

Взглянув на недоуменно смотревшую на него лошадь, он вытер слезы и попытался успокоиться. Нельзя сказать, что попытка эта была успешной. Просто один вид отчаянья сменился другим. Более глубоким.

Что скажут его родители, когда узнают? Если его отвергли все, кого он знал, их знакомые и весь цвет Парижа, куда ему теперь податься, чтобы покинуть стены своей ничтожной жизни в стеклянной банке, вроде тех банок, что стоят во владениях кухарки семьи Ревельер?

Выходит, все, что терзает его, он всегда невольно создавал сам. До чего же горько!

Он решил бежать. Бежать туда, где произошедшее не будет иметь никакого значения. Туда, где он сможет скрыться от себя самого. Слезы напрочь сошли с его лица. Он был исполнен отчаянной решимости порвать остатки связей, оставить тепло и уют их дома и сбежать от собственного позора.

Он решил бежать...

Этой же ночью. Прямо сейчас. Преодолевая тяготы разлуки с родными и страх перед неизвестностью, в которую он отправляется.

Жан-Антуан тайком пробрался в свою спальню, сменил фрак на теплый выходной сюртук серебристо-голубого цвета, взял деньги и поспешил обратно в конюшню. Одиноким, голодным и печальным из-за разлуки с отцом и матерью, сожалеющим о том, что оказался сыном, не оправдавшим ожиданий отца, он взобрался на лошадь и бросил прощальный взгляд на дом, в котором провел всю жизнь, спокойную и невероятно тоскливую.

Он погнал лошадь так быстро, как только могло мчаться животное. Зная, что скоро устрашится своего безрассудного предприятия, он рассчитывал быть к тому моменту слишком далеко, чтобы мочь возвратиться.

В темноте над головой проносились деревья, Париж остался далеко позади. Впереди его подстерегало приключение настолько невероятное, что никто никогда не поверит, если сказать, что оно произошло на самом деле. Так началось путешествие юноши, чья жизнь еще несколько часов назад была столь мала и незначительна, что могла бы уместиться в одной из банок, что стоят внизу во владениях кухарки семьи Ревельер.

Глава 2. Pas de Calais¹

Еще издали показалась восьмигранная белая башня с замысловатой вершиной. Маяк.

Город Кале был первым портовым городом в жизни Жана-Антуана. Он никогда прежде не вдыхал запаха моря. Соленый морозный воздух он с волнением почувствовал прежде, чем въехал в город. Занесенные мокрым снегом домики с красными крышами быстро очаровали юношу. Однако он плохо ориентировался и часто терялся в расположении улиц. Архитектура здесь была по большей части однообразна, или наоборот местами слишком пестрой и сильно отличалась от Парижской.

День клонился к бесцветному закату. Стальное небо становилось тяжелее. Жан-Антуан пообедал в небольшом заведении, окна которого смотрели в сторону порта. Сначала кроме Жана-Антуана посетителей больше не было. Потом все полностью переменялось. За столиками стало шумно, а публика захаживала самая разномастная. Большая часть встречавшихся в порту людей вообще не производила на Жана-Антуана доверительного впечатления. В поношенных одеждах, пахнувшие рыбой мужчины отпускали грубые шутки и пристально поглядывали по сторонам. На их фоне заметно отличались прибывшие в порт Кале британцы и путешествующие французы. Порт впечатлил Жана-Антуана ярким отличием от тихих предместий Парижа и своей спешной жизнью.

Здесь он почувствовал себя очень далеко от дома, но это не испугало его. В дороге, наедине с огромным величием природы, он чувствовал скрытую угрозу, исходившую от простирающихся во все стороны земель и бескрайнего неба. Увеличивающееся расстояние от дома подавляло юношу, привыкшего к размеренному и уютному домашнему образу жизни. В Кале он открыл для себя новые впечатления, заменившие привычные вещи, окружавшие Жана-Антуана раньше. По крайней мере, в порту, где кроме моряков все вокруг были друг другу чужими, он не был чужд обществу. Здесь у всех имелись разные цели, разный уровень доходов, и люди смешивались в непрерывном потоке дел.

Жан-Антуан не планировал задерживаться в Кале. Будучи человеком все же стремившимся к определенной жизни путешественника, он нигде не собирался подолгу задерживаться и направлялся в Лондон. Предполагая, что Лондон отличается от Парижа лишь тем, что он, возможно, даже лучше Парижа, а Париж, пусть и не идеально, но Жан-Антуан успел изучить и понять.

Лондон не являлся конечным пунктом назначения для него. Он собирался какое-то время провести в Лондоне, прежде чем пуститься в дальнейшие странствия, с направлением каковых еще предстояло определиться.

Корабль, следующий непосредственно в Лондон, отплыл только двумя днями позже, что совсем не подходило Жану-Антуану. Паром, которого ждал Жан-Антуан отходил в Дувр через час и был последним на сегодня.

В порту юноша заметил какую-то суматоху. Вокруг постоянно носились полицейские, тем самым вызывая ироничную реакцию работников порта и волнуя дам, которые тоже отплывали в Дувр в сопровождении своих мужей. Полицейские заговаривали с моряками, те пожимали плечами и показывали друг на друга, отправляя полицейских к своим товарищам, которые в свою очередь тоже пожимали плечами и показывали на кого-то другого. Потом моряки сбивались в кучки и начинали обсуждать полицейских и, очевидно, предмет их поисков, после чего раздавался дружный хохот, и все возвращались к своим делам.

---

¹ Па-де-Кале (фр.) пролив между материковой частью Европы и островом Великобритания, также известный, как Дуврский пролив.

Пароход прибыл с наступлением темноты. На борту горели фонари. Пассажиры неспешно взошли на паром, обсуждая виденное в порту. По обрывкам фраз Жан-Антуан понял, что полицейские искали какого-то вора, укравшего что-то у местного должностного лица. Известно, что вор скрылся в порту, вероятно на одном из суден, но самого вора никто не видел. Перед отплытием пароход проверили полицейские, но все так же безрезультатно. Никого не обыскивали, не расспрашивали. Вероятно, у них имелось описание вора.

Все это очень захватило Жана-Антуана. Он даже выбросил из головы свои беды и отчаянье. Теперь он жил другой жизнью, и все в ней имело другое значение. Как человек, которого недавно покинула надежда, он жил лишь настоящим мгновением и обращать мечтательный взор в будущее уже остерегался.

Толпа двинулась в тускло освещенный пассажирский салон на верхней палубе, и постепенно растворилась, когда все расположились на длинных сплошных лавочках, идущих в два ряда вдоль всего салона. Несколько мужчин раскрыли газеты и приготовились коротать время за чтением. Небольшая часть пассажиров поднялась на палубу надстроек, поплотнее запахнувшись от холодного ветра.

Разговоры о воре и меловых утесах по ту сторону пролива то и дело возобновлялись среди пассажиров парома. По большей части пассажирами были англичане и переговаривались на английском. Жан-Антуан ощутил чувство внутреннего покоя и умиротворения, слыша, как волны плещутся о борт, голоса людей, скрип раскачивающихся от качки фонарей и далекий звон буя. Все же ему удалось убежать, с улыбкой подумал он.

Как только швартовы были отданы, гребные колеса загудели в накрывавших их стальных барабанах, и пароход начал медленно удаляться от причала, Жан-Антуан окинул прощальным взглядом ночной берег и порт. Облака над городом, подсвеченные бледным заревом ночных огней напомнили о Париже.

– До скорого, моя Франция! – прошептал юноша, прощаясь, словно с близким другом. Отступить было некуда. Берег неизменно становился все дальше. Его родина казалась сейчас как никогда близкой и дружелюбной. Но это была привязанность только к понятию родины, которое олицетворял скорее ночной пейзаж оставшегося позади Кале, чем общество достойных мужей республики и достающихся им прекрасных женщин.

Мимо начали проноситься клочки тумана, и вскоре берег Нормандии скрылся в ночной мгле. Звуки на пароме стали ближе, звон морского буя растаял, а вокруг над плещущимися вблизи волнами воцарилась тишина настолько явственная, что впечатлительное воображение Жана-Антуана проложило путь парохода словно бы среди пустоты. Не успели они отплыть и на пару морских миль, как юноша вспомнил средневековые представления о мире, о том, что земля плоская, и всякий океан заканчивается безбрежной пустотой вселенной. Беспросветная туманная даль черным пятном обволакивала огромные пространства вокруг парома. Оттуда, издали не доносилось ни звука, не пробивалось ни лучика с какого-нибудь другого судна, как и не пробивался свет звезд. Жан-Антуан протянул руку за борт, предполагая даже, что она так же могла бы исчезнуть в темноте, как и все вокруг парома, но этого не произошло. На ладонь попадали редкие ледяные брызги. Ветер проскальзывал между пальцев и трепал кудрявые волосы Жана-Антуана.

Постояв еще немного на палубе, он ушел в салон, чтобы согреться и отдохнуть на лавочке после долгого пути. Многие места пустовали. Он сел на свободную и с интересом принялся осматривать необычный корабельный интерьер в тусклом свете фонарей и пассажиров, говоривших на английском языке, чьи сдержанные, возможно даже суховатые манеры бросались в глаза на фоне более оживленных французов. Будучи обладателем порядочного количества свободного времени, Жан-Антуан все же не мог похвастаться обширными познаниями иностранных языков. Отчасти из-за расточительного отношения к времени. Он немного понимал по-итальянски – хуже дело обстояло с произношением – и сносно изъяснялся по-английски.

На этом его знания ограничивались. Но в Лондон он решил направиться вовсе не поэтому. Проскакав три сотни километров, Жан-Антуан только в Кале принял решение насчет своего дальнейшего маршрута. И точно так же сейчас не имел представления о том, куда направится после Лондона.

Впрочем, нужно было еще спланировать детали его пребывания в Дувре. Найдя гостиницу, он предполагал переночевать одну ночь и днем отправится в путь, хотя допускал, что его отбытие из Дувра может задержаться на пару дней. Сначала он хотел расспросить кого-нибудь из пассажиров о том, где можно остановиться на ночлег и как удобнее добраться до Лондона, но потом принял решение узнать все на месте. Он посчитал, что так будет лучше, главным образом из-за своего неумения затевать разговор с незнакомыми ему людьми и предпочел отложить организационные вопросы к самому моменту их решения.

Когда Жан-Антуан вышел на палубу, чтобы прогуляться и осмотреть пароход, он увидел, как сильно сгустился туман, поглотив теперь корму и нос судна. Туман заглушал и голоса из салона, и размытый свет фонарей, и был призрачного бледно-зеленого оттенка. Высоко во мгле таяли мачты и дымовая труба. Много людей вышло на палубу посмотреть на туман.

Придерживаясь за планшир, Жан-Антуан зашагал к носу судна. Позади слышался голос молодой женщины, спрашивающей, все ли время в Британии стоят такие угрюмые туманы. А мужской голос отвечал, что Британские туманы сильно преувеличены, чаще встречаются в Лондоне из-за смога промышленных предприятий, очень отличаются от морских и ничуть не кажутся угрюмыми. Еще один голос заговорил об опасностях, которые представляют для судов подобные погодные условия, и компания начала подниматься на палубу надстроек, затем их голоса стихли.

Пассажиры где-то в салоне вели оживленные разговоры, но ветер уносил их голоса прежде, чем слова долетали до Жана-Антуана. Члены команды спешно сновали в сосредоточенном молчании. Гребные колеса, расположенные посередине судна остались позади, закрыв своим шумом остатки голосов, и Жан-Антуан шел теперь один посреди усиливающейся качки. Только размеренный треск тросов то и дело слышался над головой. Стальная палуба и деревянный настил центральной дорожки, покрывшись мелкими капельками тумана, приглушенно блестели в свете газовых фонарей. Самый нос парохода по-прежнему скрывался в призрачной мгле, и чем дальше Жан-Антуан уходил на нос, тем темнее здесь становилось. Ему стало немного не по себе. Погода и вправду опасная для плаванья, тем более на подходе к портам, где ходит большое количество судов.

Внезапно юноше показалось, что он услышал голос, донесшийся откуда-то из-за борта. Протяжный, словно песнь призрака. Голос оборвался так быстро, что Жан-Антуан не успел его расслышать. Он огляделся, но никого на палубе не увидел, и продолжил приближаться к самому носу. А голос снова прозвучал и снова так же невнятно, так же протяжно и оборвался столь же быстро. Затем последовали хлопки, похожие на трепет крыльев. И снова взбудораженное воображение Жана-Антуана, питаясь впечатлениями уставшего с дороги ума, принялось рисовать страшные картины, фантазмагии, объясняющие природу звуков.

Удивительный зеленоватый туман перед Жаном-Антуаном расступился, и юноша увидел на самом носу темную фигуру, стоявшую широко расставив ноги, гордо разведя плечи и уперев одну руку в бок. Полы его пальто хлопали на ветру, а сам он без движения замер, неотрывно взирая в мгlistую даль, простирающуюся прямо по курсу, и время от времени бормотал что-то похожее на не вполне связную песнь без выраженной мелодии.

От неожиданности юноша остановился, с удивлением рассматривая странные очертания одежды человека впереди. На нем темнело подбитое овчиной пальто с поднятым воротником, потрепанный цилиндр, из-под которого в разные стороны торчали спутанные волосы, а более странной обуви Жан-Антуан в жизни не видел. Почему-то он сначала принял человека на носу парохода за капитана корабля. Его не было в толпе при посадке, он определенно не походил

на пассажира, но имел гордую статью и крепкий вид, чем напоминал членов экипажа. И все же человек на носу парохода, как и его обувь, показался юноше очень странным, и, поняв, что видит перед собой все же не капитана, Жан-Антуан решил поскорее вернуться обратно в салон.

Только он поднял ногу, чтобы сделать шаг, как фигура впереди развернулась к нему впол-оборота, одним лишь торсом, и блестящие из-под цилиндра глаза встретили встревоженный взгляд Жана-Антуана. В ухе качалась увесистая золотая серьга кольцом. Незнакомец медленно убрал курительную трубку изо рта и выпустил густые клубы дыма, не сводя глаз с юноши.

Молча, он долго стоял так и смотрел в глаза застывшего на месте Жана-Антуана, потом, наконец, переступил с ноги на ногу, развернувшись к нему и чуть отклонившись назад, чтобы окинуть юношу изучающим взглядом. В этом движении было нечто дикое, порывистое и подтверждающее, что внимание незнакомца переключилось с покрытого туманом пролива Па-де-Кале теперь на Жана-Антуана. Он несколько мгновений разглядывал юношу с головы до ног, сохраняя давящее молчание, а когда заговорил, то ввел Жана-Антуана в еще более глубокое недоумение:

– Вы стоите на моем баке, – требовательно сообщил он.

Сначала Жану-Антуану потребовалось время, чтобы понять, что прозвучавшие слова были произнесены на английском языке, следовательно, незнакомец – британец, а потом ушла еще минута на то, чтобы Жан-Антуан разобрал смысл этих слов.

– Ах, да! Простите... – юноша отошел к борту носа, посмотрел себе под ноги, но ничего не увидел, затем поднял на незнакомца такой же недоуменный взгляд. – Что-что?

Тот не торопился с ответом. Поднеся трубку ко рту, он вновь принялся изучать Жана-Антуана своим пристальным взглядом черных глаз, словно пытаясь разобраться, что с этим малым не так.

– Вы все еще стоите на моем баке, – наконец сказал он прежним требовательным тоном.

– А что такое бак?

– Это часть судна, где мы находимся, разумеется. Не посуда же!²

Объяснение озадачило несведущего в морских терминах Жана-Антуана не меньше, чем предшествующее незнание.

– Простите, вы, наверное, капитан? – уточнил юноша.

– Не совсем. Технически нет, кое что получше! Особый гость.

– Как странно, я вас не видел при посадке на паром. Хорошо, вы, должно быть, хотите побыть в одиночестве. Тогда я оставляю вас, приятного плаванья.

Незнакомец ничего не ответил, все так же пристально глядя на юношу блестящими черными глазами, и проводил его внимательным, даже подозрительным взглядом, когда Жан-Антуан направился обратно вдоль по палубе. Потом медленно развернулся в направлении следования парома и задумался, глядя сквозь туманную пелену.

Жана-Антуана настигли крики, доносившиеся с носа парохода, когда он только подходил к фок-мачте.

– Стойте! Сейчас же остановитесь! Вы что уже уходите?

Жан-Антуан обернулся и взгляделся в задымленный туманом нос судна. Не сходя с бака, из темноты показался незнакомец.

– Возвращайтесь, – дружественно позвал он.

Но юноша до того был рад, что ему разрешили вернуться в салон, что при мысли о возвращении на бак он внутренне напрягся. Неспроста это все. Возможно даже, этот незнакомец и не планировал всерьез отпустить Жана-Антуана.

---

² На самом деле, бак – действительно, также обозначает посуду, употребляемую для приема пищи команды на корабле, но он, очевидно, этого не знал.

– Ну же! Не вынуждайте меня сходить с моего бака. Мы проделали половину пути. Осталась еще целая вечность. Возвращайтесь, составите мне компанию. Я кое-что расскажу.

С минуту помешкав, Жан-Антуан зашагал обратно. Каждый шаг отдавался в мыслях юноши волной сомнений.

– Вы ведь родом не из Британии? – ткнув своей трубкой в сторону приближающегося Жана-Антуана, догадался незнакомец.

– Да, я француз.

– О! Это не страшно! – отмахнулся собеседник, словно закрывая глаза на какой-то существенный изъян. – Никто не идеален... Вы часто бываете в Англии?

– Вообще-то нет. Никогда раньше не бывал в Англии.

Незнакомец в ответ покивал, внимательно глядя на Жана-Антуана, потом задумчиво повернулся к встречному ветру и вернул трубку в рот. Стоя теперь рядом с незнакомцем, Жан-Антуан подивился, как богато была украшена его трубка. Темное полированное дерево оплетали серебряные ветви, имитирующие лозу. От дыма веяло странным, совсем не похожим на аромат табака запахом, который Жан-Антуан чувствовал впервые. Незнакомец вообще был до того не похож на всех встречавшихся ранее людей, так жестоко и пугающе легко разочаровавшихся в Жане-Антуане, что юноша невольно проникся симпатией к этому человеку. Но его манеры и бесцеремонное поведение не располагали к доверию. А одежда походила на облачение какого-нибудь разбойника. Под распахнутым пальто только и были что поношенная расшитая узорами кожаная жилетка, поверх расстегнутой до груди рубахи, видимо давным-давно считавшейся белой, и алый кушак. Жан-Антуан украдкой покосился вниз на обувь незнакомца, еще издали показавшуюся необычной и причудливой. Это были высокие сапоги из кожи с узорчатой выделкой, над которыми нависали складки заправленных в них штанов с широким кожаным ремнем. Жан-Антуан тут же перевел взгляд в сторону и больше старался не таращиться на незнакомца.

В тишине морозные клочья тумана неслись на гордо выдыхаемые им навстречу клубы дыма, пока человек рядом с Жаном-Антуаном глядел во тьму пролива пристальным взором, словно видя там вещи, недоступные глазу юноши.

– Так, о чем вы хотели рассказать? – наконец спросил Жан-Антуан, нарушив тишину.

Незнакомец прищурился, но не от звука произнесенного вопроса, а так, ели бы увидел прямо по курсу какую-нибудь опасность. Потом, убедившись, что путь не предвещает никакой явной угрозы, скосил глаза на Жана-Антуана и хитро улыбнулся на одну сторону.

– Прелестная ночка, не правда ли? Как вы собираетесь ее провести на том берегу?

– В гостинице, наверное.

– В какой?

Жан-Антуан нахмурил брови.

– Еще не знаю. Я никогда не был в Дувре.

– И не планировали детали своей поездки?

– В общем, нет. Мой отъезд не терпел отлагательств, и временем на разрешение вопросов связанных с этим отъездом я не располагал.

– Ну, это не важно, если вас встречают...

– На самом деле, это не так. Меня никто не встречает.

Человек в старом цилиндре медленно повернулся к Жану-Антуану и прищурил блестящие глаза.

– Вот как? – он подался вперед, пыхнув дымом себе и юноше в лицо. – А хотя бы кто-то знакомый в Англии у вас есть?

Жан-Антуан замялся с ответом, не желая выдавать себя. Но незнакомец уже понял, каков ответ на самом деле. И Жан-Антуан посчитал, что следует объяснить обстоятельства, чтобы не показаться совсем одиноким путником.

– Я путешествую. Сейчас намереваюсь посмотреть Британию и Лондон. Для этого не требуется предусматривать все детали. Причина, по которой я отправился в путь, весьма основательна, поверьте. Я нахожу свое предприятие делом сугубо личным и помощь моих друзей или поверенных в этом деле мне не нужна.

Незнакомец с тенью недоумения уставился на Жана-Антуана.

– Стало быть, вы спешно отправились в путь, не имея никаких конкретных (скажем финансовых) дел, не гонясь за наследством внезапно нашедшейся и не менее внезапно скончавшейся бабули-графини, не имея там никаких родственников или знакомых, не заручившись поддержкой людей, знающих страну, в которую вы отправляетесь на свой страх и риск, в страну, где вас никто не ждет? – попытался осмыслить он, размахивая трубкой в такт словам, и под конец чуть не потеряв нить собственного пересказа. – И все ради романтики путешествия?

Подумав над тем нелепым приключением, на которое юноша обрек себя, в отчаянной спешке покидая Париж, Жан-Антуан усомнился в том, что дальнейший его путь будет так же легок, как самое его начало по дороге в Кале.

– Я бы не стал выражаться именно таким образом, но в общем да... – признал Жан-Антуан.

– Да вы безумец, сударь! – со снисходительной иронией воскликнул незнакомец.

Жан-Антуан смешался и не нашел, что ответить, только пожал плечами, признавая несовершенство своего предприятия:

– Ну...

– А затея-то хороша! Чтоб мне провалиться на этом месте! Вам необходимо нанять гида! Человека, знакомого со всеми особенностями Англии, ее обычаями, опасностями и законами; знающего нужные места и, быть может, нужных людей!

– О да-да! Было бы чудесно, – согласился Жан-Антуан, – только я не знаю, где его найти.

На лице незнакомца безмолвно застыла многозначительная улыбка. Черные глаза навязчиво блестели из-под цилиндра до тех пор, пока Жан-Антуан ни начал догадываться, что его собеседник подразумевает под гидом себя самого.

– Погодите-ка! Вы хотите мне помочь?

– Скорее, оказать добрую услугу.

– Благодарю! Правда, я не планировал...

– Вот как раз это я заметил! Вам и не нужно. Планировать теперь буду я. Тем более нам с вами по пути. Я так же направляюсь в Лондон.

Осторожный Жан-Антуан задумался над предложением. С одной стороны, он уже свел знакомство с человеком, обладающим всеми сведениями, которые могут понадобиться в его путешествии, и этот человек был готов ему помочь. Что значительно упрощало многие нюансы его дальнейшего пути, о которых прежде он и не задумывался. С другой стороны, этот человек производил впечатление весьма противоречивое, и полностью довериться ему юноша опасался. Жан-Антуан предположил, что дело, скорее всего, было в финансовом вопросе.

– Какое вознаграждение вы хотите получить за свою услугу? – в деловом тоне поинтересовался юноша.

Человек в старом цилиндре отмахнулся:

– Да бросьте вы! Неужели все французы привыкли платить даже за сущие пустяки?

– Нет, однако, замечу, что в наше время практичный расчет не редкость. Это вопрос не национальности, а делового подхода. Если вы предлагаете услугу, я хочу обговорить все формальности, которые могут возникнуть в результате.

– А вы человек хваткий, сразу видно! – с той же кривой улыбкой на одну сторону помахал пальцем незнакомец. – Вы мне нравитесь, и вы правы! Англия сейчас не самая безопасная

страна. Не то, что на континенте... не хотелось бы добираться до Лондона в одиночку, когда вы направляетесь туда же, куда и я. Вместе было бы безопаснее.

– Правда? – лицо Жана-Антуана тут же переменялось.

– О, несомненно!

– Вот в чем дело.

– А вы подумали, я хочу на вас нажать?

Жан-Антуан смешался, пожал плечами и проговорил что-то вроде:

– Не так, чтобы вы производили подобное впечатление, но откровенно говоря, да.

Человек в старом цилиндре разразился веселым смехом, закинув голову назад, и чуть не уронил трубку за борт.

– Что вы, я человек чести! – посерьезнев, тихо заверил он.

Теперь юноша с большим доверием отнесся к своему собеседнику. Но тут вспомнил слова, показавшиеся ему очень важными, и вернулся к теме, прозвучавшей вскользь.

– Так вы говорите, в Англии сейчас опасно?

– Что? А, да... довольно скверно, – незнакомец сокрушенно покачал головой. – Не то, что раньше.

– Но почему?

– Много развелось нечестных людей. Мародеров, жуликов, мошенников, грабителей, душегубов. Иногда они и убивают за хорошую наживу, не моргнув и глазом. А еще хуже, что они объединяются в банды и устраивают настоящую головную боль властям. Такое, конечно не везде творится. Но это еще не самое страшное.

– Разве?

Человек в старом цилиндре кивнул, глядя в туман отстраненным взглядом. Потом вдруг решительно шагнул к Жану-Антуану, уставившись на него горящими, словно от умопомешательства глазами, и прошептал замогильным голосом:

– Скажите, что вы слышали о разбойнике по имени Чарли Бродячие Штаны?

Юноша во все глаза уставился на него, услышав нелепое и оттого еще более пугающее имя.

– Ничего, – настороженно прошептал Жан-Антуан. – А кто он?

Незнакомец огляделся, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает и еще ближе придвинулся к Жану-Антуану, чуть не уткнувшись в юношу ободранными полями своего цилиндра.

– Разбойник.

У Жана-Антуана невольно вырвался сдавленный вздох.

– Самый ужасный разбойник в истории Англии! – продолжил шепот, дыша на Жана-Антуана странным дымом от своей трубки. – Намного более ужасный, чем Эдуард II³.

От дыма юноша начал чувствовать, будто становится бестелесным и проваливается в палубу.

– Его еще не поймали?

Собеседник в ответ лишь усмехнулся.

– Чем же он так ужасен?

Хотевший сунуть трубку в рот незнакомец внезапно прервался и поглядел на юношу с мрачным видом, словно хотел сказать: о таком даже не принято спрашивать.

– Да кто ж управу-то на него найдет! Он неуловим. О нем все знают, но не многие смогут похвалиться тем, что видели его и уцелели. Большинство тех, кто с ним повстречался, в состо-

---

³ Эдуард II – английский король из династии Плантагенетов, правил с 1307 по 1327 годы. Во время правления создал о себе противоречивую репутацию, благодаря ряду непопулярных решений и военных неудач в Шотландии. Использовал репрессивные меры по отношению к внутренним врагам, конфискуя их земли и прибегая к показательным казням. Его собственная жена примкнула к оппозиционным силам и способствовала его отречению от престола в пользу их сына, Эдуарда III.

янии рассказать об этом лишь червям в своей могиле. И еще больше тех, чья судьба осталась неизвестной. Более коварного преступника Англия еще не встречала. Говорят, однажды... – все знают эту историю, но мало кто осмелится ее рассказать. Я расскажу, потому что здесь нас никто кроме утопленников не услышит – ...так вот, однажды Чарли Бродячие Штаны совершил вопиющее нападение на полицейский экипаж, доставлявший королеве Виктории ценнейшую вещицу из восточной Европы. Якобы очень старую шкатулку, украшенную золотом, янтарем и жемчужинами, в которой хранился византийский камень. Чудом сохранившийся во времена бесчинств и разграблений войнами оттоманской империи, способный исцелять неизлечимые болезни и раны. Втайне привезенная в Англию реликвия охранялась в пути самыми крепкими и опытными полицейскими. А коней запрягли самых быстрых и выносливых, каких смогли отыскать. Для пущей секретности вместо того, чтобы поехать прямо в Лондон, из графства Кент экипаж направился в графство Суррей, где под покровом ночи сменился другим экипажем с конями другого цвета. Первый экипаж уже пустой отправился дальше в графство Беркшир, а второй, в который перенесли шкатулку, в Лондон. И вот среди ночи их настиг Чарли Бродячие Штаны. Никто не знает, что там произошло. Но полицейских тех больше никогда не видели. И, что самое страшное, никем не управляемый экипаж прибыл в Лондон, точно в назначенное место, словно призраки замученных полицейских исполнили свой последний долг. Когда открыли дверцу, внутри было пусто. Шкатулка пропала. Страшно подумать, для каких бездушных целей шкатулка с чудо-камнем могла понадобиться этому извергу.

Воцарилось молчание. Пораженный историей Жан-Антуан слушал собеседника, затаив дыхание. Вскоре он полушепотом спросил, откуда известно, что это дело рук Чарли Бродячие Штаны, порядочно озадачив человека в старом цилиндре. Тот долго обдумывал вопрос, переводя глаза с одного предмета на другой вдоль всей палубы, что не терялась в тумане, потом, неожиданно, оживленно заключил:

– Вероятно... только он... мог такое совершить. Молва правду толкует. Я лично не основательно верю в эти истории.

Жан-Антуан покивал.

– Его преступления славятся зловещими вещами! – продолжил его собеседник. – Не раз ему удавалось обставлять все так, что за совершенные им бесчинства на виселицу отправлялись его же жертвы по обвинению в разбойных ограблениях и убийствах под именем Чарли Бродячие Штаны. Ходят слухи, он себе на потеху всегда приходит посмотреть на казнь людей, которых он сначала использовал в своих диких целях, а потом выставил за себя самого. Ну, разве это не кошмарно!

– А почему его так прозвали? Чарли Бродячие Штаны?

Незнакомец набрал было в грудь побольше воздуха, чтобы быстро ответить, но потом запнулся и застыл, нахмурившись, потому что понял, что никто никогда раньше не задавался этим вопросом.

– Я без понятия, – наконец сказал он.

Оба задумались над этой загадкой.

– Однажды и я его повстречал, – осторожно произнес незнакомец.

– Кого? Этого разбойника?!

– Да!

– Не может быть! И что же произошло?

Тот покосился на взволнованного Жана-Антуана.

– Вам лучше не знать, поверьте. После того события я закрашиваю седину.

Разыгравшееся воображение юноши принялось изобретать дикие картины всевозможных жестокостей, и Жан-Антуан решил поскорее переключить свои мысли на что-то другое.

– Ладно, оставим эти мрачные истории, – предложил он. – Кстати, меня зовут Ревельер. Жан-Антуан Ревельер.

Он протянул руку человеку в старом цилиндре. Тот с непониманием улыбнулся:

– Простите, так Жан или Антуан?

Юноша смешался, снова застигнутый врасплох бестактным и нелепым вопросом.

– Жан-Антуан. Это двойное имя, – с достоинством сообщил он.

– Ах, вот как... ну бывает. Гай Фокс, – улыбка незнакомца вновь перешла на одну сторону.

Они пожали друг другу руки.

– Очень приятно, мсье Фокс. Что привело вас во Францию?

– Куда? – ошеломленно переспросил он, но не как человек необразованный и слышавший название этой страны впервые, а так, словно никогда прежде не был во Франции, невзирая на то обстоятельство, что оба они стояли на носу парохода, следующего из французского порта Кале в Дувр английского графства Кент. – А! Туда? – он смущенно улыбнулся, показывая в направлении оставшегося позади порта Кале. – Дела, которые я не мог поручить поверенному. Важные дела... денежные, – подумав, добавил он, потом задумчиво скосил глаза в сторону, раздумывая над этим вопросом, потом утвердительно кивнул. – Все же нет. О! Вижу меловые утесы! Мы подплываем!

Жан-Антуан сколько ни всматривался в туман, так ничего и не увидел. Но вскоре и правда что-то большое и светлое начало появляться в темноте высокой неясной полосой. Внезапно мгlistую темноту высоко впереди прорезал свет маяка. Человек в старом цилиндре подставил смуглое лицо в холодный луч, как если бы это было теплое солнце. Попытки юноши разглядеть город и порт с палубы парома не увенчались успехом. Из тумана по бортам показывались неясные очертания не то причалов, не то бортов других судов, не то берега у подножья утесов. Далекий звон буя одиноко разносился где-то над волнами. Незнакомец вновь принялся бормотать себе под нос свою невнятную песню, в ожидании, когда паром подойдет к причалу.

В Дувре Гай Фокс помог Жану-Антуану разместиться в дешевой гостинице, после чего повел его в таверну через улицу. Сквозь широкие окна Жан-Антуан увидел относительно небольшое многолюдное помещение, заставленное столами и полнившееся разговорами и возгласами посетителей. Внутри было тепло и непривычно шумно. Простая несколько грубоватая обстановка смущала юношу, привыкшего к неспешным тихим обедам в столовой.

Новый знакомый заметил, что его французский спутник напряжен и заказал для него пинту светлого пива. Когда на стол вместе с остывшим жарким из курицы, ветчины и печеной картошкой поставили две пенящиеся кружки пива, юноша вопросительно взглянул на человека в старом цилиндре.

– Это чтоб согнать усталость, – пояснил Фокс, ободряюще кивнув и отхлебнув глоток. – Вам нужно хорошенько отдохнуть с дороги, Джон. Завтра предстоит славное путешествие!

– Я Жан-Антуан, – перекрывая общий галдеж, напомнил он.

Его собеседник заговорщицки улыбнулся и подмигнул юноше:

– Ну, конечно, – произнес он, словно подыгрывая французу.

Жан-Антуан хотел было что-то сказать, но промолчал.

Наслаждаясь сытной едой, пивом и обстановкой, новый знакомый охотно участвовал в разговоре и отвечал на вопросы, то и дело напоминая Жану-Антуану о его почти не тронутой пинте. Сегодня пьем всего по одной, говорил он. Ел человек в старом цилиндре удивительно быстро, торопливо, поглядывая на посетителей, особенно тех, что расположились где-то по краю поля зрения и за спиной. Первым делом он съел все самое вкусное, после чего отвалился на спинку стула и, смакуя остатки жаркого, запил все пивом.

Как только Жан-Антуан, наконец, справился с пинтой пива, по просьбе Фокса принесли теперь теплый глентвейн. Пиршество путников продолжилось до полуночи, после чего

порядком захмелевший Жан-Антуан и его новый друг, пританцовывая, вернулись в гостиницу и разошлись по своим комнатам. Как только голова юноши коснулась подушки, он тут же уплыл в кровати, раскачивающейся на волнах усталости, пива и глинтвейна в глубокий мирный сон.

Ночью он проснулся только раз, от звука громко скрипнувшей двери его комнаты. Но звук показался настолько странным и чужим, что юноша принял его за осколки собственного сна и, не открывая глаз, продолжил взбираться по зеленоватой дымчатой лестнице к яркой ночной Луне, сплетенной из светящихся волос Полин.

Когда он проснулся, за узеньким окошком в сухой деревянной раме синел пасмурный день. Близкий шорох моросящего дождя за окном и тянувший по кровати ледяной сквозняк не дали юноше заснуть вновь. Сев в кровати и расправив плечи, Жан-Антуан сонными глазами оглядел свою скромную небольшую комнатку и медленно начал обуваться.

Уставшие ноги очень неохотно влезли в сапоги, в которых Жан-Антуан провел уже целую вечность. Обувшись, он медленно прошелся по комнате от кровати к окну и обратно. Поискал взглядом свои вещи. Его сюртук почему-то валялся под кроватью. Расправив и надев его, Жан-Антуан не нашел кошелька с деньгами, большая часть из которых была выручена в Кале за проданную лошадь. Он обыскал все карманы, залез под кровать, посмотрел в ящике столика, стоявшего справа от окна, и чуть не довел себя до сумасшествия, пытаясь вспомнить, что он делал вчера в комнате и куда мог деть все свои финансовые средства. Не нашел он также и свой шарф-галстук, который, вероятнее всего мог бы лежать рядом на кровати.

Внезапно остановившись посреди комнаты, он вдруг понял, что стал жертвой вора. Сначала эта мысль испугала юношу, но потом он вспомнил о своем новом друге и поспешил рассказать ему о случившемся.

– Мсье Фокс, меня обокрали! – ворвался в комнату британца встревоженный Жан-Антуан и в ужасе остановился на пороге, увидев, что комната его нового знакомого пуста, кровать прибрана и никаких свидетельств пребывания в ней какого-либо постояльца уже не осталось.

Глава 3. Два билета

Совершенно сбитый с толку, обманутый пусть и опасным на вид, но по существу всего лишь хитрым британским воришкой, Жан-Антуан поспешил вниз, чтобы расспросить владелицу гостиницы о своем спутнике. Утешая себя, юноша постоянно мысленно повторял слова «всего лишь хитрый британский воришка». Однако произошедшее многократно усугубило боязнь той затаенной угрозы, исходившей от Гая Фокса, которую Жан-Антуан испытывал весь прошлый вечер, но принимал за свою природную бдительность. Поэтому всякие утешения не возымели должного воздействия. Как можно было ему довериться? Если где в его словах и была доля правды, то исключительно в том, что Англия совсем не безопасное место.

Жан-Антуан намеревался найти этого человека, во что бы то ни стало. Внизу худенькая дочка владелицы гостиницы бесшумно протирала мебель. Жан-Антуан попросил ее позвать мать, после чего долго неосознанно стучал пальцами по стойке, чувствуя, как всякая уверенность отступает под давлением его переживаний. Женщина, вышедшая к Жану-Антуану, сказала, что его друг выехал еще утром.

– Утром? Который сейчас час? – побледнев, спросил Жан-Антуан.

– Начало шестого.

– Как же так!

– Хорошо, что вы спустились, а то я уже собиралась послать вас разбудить. Заплачено-то за одну ночь.

– Скажите, куда он направлялся? Может быть, он говорил?

– Мне что ли? Нет, дорогой. Но я видела, что он заходил выпить на дорожку, – хозяйка указала в окно, в сторону таверны. – Спросите там, может быть, кто-то знает, куда он направился потом.

– Благодарю вас.

Жан-Антуан торопливо вышел на примоченную дождем улицу.

По сравнению со вчерашним столпотворением, в промозглом полумраке таверны за столиками сидело всего несколько человек. Из глубины полупустого зала на всю таверну разносился хмельной голос, увлеченно повествующий соседям по столику:

– ...а я ему, эй малыш! Ты уж определись со своими двумя именами! Или Джон или Антуан, понимаешь? Третьего не дано.

Следом раздался дружный гогот его подвыпивших слушателей и звон кружек.

Жан-Антуан от неожиданности даже остановился на полушаге посреди зала, уставившись на беззаботно смеющегося Фокса, из кармана пальто которого свисал белый шарф-галстук Жана-Антуана. Сама мысль о том, что кто-то имеет дерзость обокрасть его и, вдобавок, смеяться с его имени у него за спиной, была оскорбительнейшей дикостью для юноши.

– ...в жизни не встречал такого безумца!

Снова столик разразился грубым гоготанием.

Покрасневший Жан-Антуан не выдержал и стремительно подошел к столику, за которым распивали спиртные напитки человек в старом цилиндре и двое его новых дуврских друзей. Фокс не увидел юношу за опустошением своей кружки, а оба собеседника бросили на француза рассеянный взгляд и продолжили смеяться со слов человека в старом цилиндре.

Набрав в легкие побольше воздуха, Жан-Антуан заговорил:

– Верните мне мои вещи, мсье Фокс, – требовательно произнес он.

Тот подпрыгнул на месте и, вскочив на ноги, вытаращился на Жана-Антуана.

– Джон? Как ты меня нашел?

– Вы сидите через улицу от комнаты, в которой обокрали меня.

Фокс собирался возразить, но прежде бросил недовольный взгляд в окно, словно желая удостовериться, что это действительно так. Вскоре недоумение растянулось на его смуглом лице, и он подозрительно опустил глаза на кружку пива.

Затем он с непониманием взглянул на Жана-Антуана:

– Обокрал?

– Именно.

Человек в старом цилиндре рассмеялся и похлопал юношу по плечу, указывая на него своим новым дуврским друзьям:

– До чего же мне нравится этот малый! Присаживайся, Джон, я как раз заказал для тебя кофе. У нас скоро поезд. Джентльмены, знакомьтесь, это мой французский друг, о котором я рассказывал. Джон, а это... – Фокс запнулся, вспоминая их имена. – Клиффорд и Джор... Джер...

– Кристофер Уортинг и Дэвид Эксли, – поправили его мужчины.

Фокс улыбнулся и махнул рукой:

– Им виднее.

– Мсье Фокс, какой еще поезд?

– Шестичасовой до Лондона, следующий через Редхилл. Ты ведь все еще собираешься в Лондон, не так ли? Я все устроил, купил билеты и взял на себя смелость помочь тебе в сборах. А вот попытки разбудить тебя не увенчались успехом, ты все никак не просыпался. Я уж начал опасаться, что мы пропустим наш поезд из-за тебя.

С минуту Жан-Антуан растерянно переводил взгляд с сидевших за столиком Клиффорда Уортинга и Дэвида Эксли на человека в старом цилиндре, затем опустился на скрипучий стул, с недоверием протянув руку.

– Тогда отдайте мой кошелек и шарф-галстук, – осторожно, но твердо попросил Жан-Антуан.

Фокс тут же вернул ему его вещи. В кошельке была приблизительно та сумма, что и должна быть. Точно подсчитать Жан-Антуан не смог, так как часто сбивался из-за громкого рассказа Фокса о том, как он славно погулял в Кале по ту сторону Дуврского пролива. Недоверие юноши сменилось смятением, когда ему принесли чашку кофе, обещанную человеком в старом цилиндре.

– Бедняга так устал, что свалился с одной пинты пива, – шепнул Фокс своим соседям по столику, косясь на Жана-Антуана.

– Что? Нет! Ну, зачем же так говорить? Может быть, меня и утомил путь, но, как вы говорите, свалился я не с одной пинты. Еще мы пили глинтвейн! – запротестовал юноша. – И много!

За столиком снова разразился смех. Большой реакции от простых фермеров француз и не ждал, поэтому негодование по поводу этих пустых насмешек быстро сменилось мыслями куда более существенными, чем вполне естественное снисходительное отношение англичан и французов друг к другу, да еще и разогретое остротами человека в старом цилиндре.

Пока проспавший завтрак и обед Жан-Антуан наскоро трапезничал, ему не давали покоя сомнения насчет человека по имени Гай Фокс. Теперь он решил повнимательнее к нему приглядеться. На краже кошелька и шарфа-галстука его опасения подтвердились, но нельзя отрицать, что всему случившемуся при этом нашлись объяснения. Жану-Антуану полегчало еще больше, когда сытый и набравшийся сил для продолжения пути он вышел на свежий воздух, а у Фокса действительно оказались два билета на шестичасовой поезд до Лондона.

Шли молча. Переговариваясь лишь изредка короткими фразами. Источником напряженного молчания по большей части был сам Жан-Антуан. Фокс же время от времени бросал на него задумчивые взгляды, словно пытаясь понять причину подозрительного настроения в его французском знакомом.

Больше всего Жана-Антуана поразил необычный запах, царивший на железной дороге. На станции Дувр Таун они прождали поезд еще двадцать минут.

Здесь уже Гай Фокс сделался молчаливым и сосредоточенно озирающим уходящие в промозглую даль железнодорожные пути. Похоже, любая дорога у человека в старом цилиндре вызвала к жизни воспоминания, известные лишь ему одному. Жан-Антуан, если бы всерьез задумался о мыслях своего спутника, вряд ли смог бы догадаться, хотя бы о половине всего того, что могло вспоминаться человеку в старом цилиндре. Однако даже Фокс не мог поймать ни тени, ни отголоска тех картин, что пронеслись в его голове. Он был не властен над своим сознанием.

Уперев руки в бока и устойчиво расставив ноги, он стоял на краю продуваемой платформы, на холодном ветру и морозящем вечернем дожде. Гордый и грозный странный незнакомец. Но глаза смотрели в эти минуты грустно и отрешенно. Должно быть, именно так он взирал в туманную ночь над проливом вчера, до того, как появился Жан-Антуан. Прибитый дождем мех его пальто безжизненно свисал вниз. От выдавшего виды цилиндра отскакивали редкие капли. Он напоминал бродягу, привыкшего относиться к себе как к джентльмену и, вполне вероятно, способного на дикости, принятые в жестоком мире бродяг, но неприемлемые для джентльмена.

– Поди сюда, Джон, – не шевелясь позвал юношу Фокс преувеличено серьезно.

Жан-Антуан вышел из здания вокзала и, поднимая воротник, подошел к нему.

– Вообще-то, я Жан-Антуан, разве сложно...

Но человек в старом цилиндре не слушал его. Он уже сам начал говорить, по-прежнему глядя вдаль:

– Ты прости, что вчера порассказал тебе всяких ужасов, которые у всех на слуху и которые я сам повидал. И в мыслях не было тебя напугать, а тут вижу сегодня ты сам не свой. Даже меня в преступлениях заподозрил, – неторопливый ироничный смешок вырвался между слов. – Сдался мне твой шарф... в общем, если в следующий раз речь пойдет о событиях, которые могут сказаться на твоём впечатлительном уме, ты меня предупреди.

– Нет, дело не в нашем разговоре о разбойниках Англии. Будем надеяться, здесь имело место, скорее, бытовое недоразумение.

Фокс быстро повернулся к Жану-Антуану.

– О! Какая точная формулировка! Бытовое недоразумение. Нужно запомнить.

– Зачем? Предполагаете, что подобное может повториться в будущем?

Человек в старом цилиндре пожал плечами.

– А вы отлично говорите по-английски, должен заметить! – похвалил он.

– Ну, благодарю. Я располагал достаточным количеством времени для изучения языка. Здесь прохладно, вернись под крышу до прихода поезда.

Фокс рассеянно кивнул.

– Бытовое недоразумение... очаровательный английский!

В купе поезда Жан-Антуан развернул газету, купленную на станции Дувр Таун, и отгородился от своего друга полотном статей. Фокс, вкось развалившийся на лавочке напротив, прикрыл глаза и расслабленно слушал стук колес. Иногда он приоткрывал один глаз, наблюдая за юношей, закрывшимся газетой, и кривая улыбка на одну сторону всякий раз растягивалась на половине его лица. Если бы Жан-Антуан заметил его в таком виде, то наверняка испугался бы. Но человек в старом цилиндре тут же опускал веко и продолжал отдыхать, издавая звуки, похожие на храп. Периодическое шелестение страниц газеты не давало ему уснуть по настоящему.

– Окажите любезность, расскажите о Лондоне.

Фокс медленно поднял веки и посмотрел на Жана-Антуана через узкие прорезы прищуренных глаз.

– Людям, впервые знакомящимся с Лондоном ночью, повезло больше остальных, – медленно проговорил Фокс.

– Какой он?

Англичанин сел ровнее.

– В перерывах между пожарами? О! Чудесный город. Фасады зданий там украшают огромные с яблоко величиной драгоценные камни: алмазы, рубины, изумруды, особенно изумруды. Мостовые натирают до блеска специально обученные слуги, из фонтанов льется золото, а фонари каждый день светят разными цветами. Хотя цвета часто повторяются. Если бы я отвечал за лондонские фонари, не было бы больше ни одного дня, когда цвет повторился до самого Страшного суда. Над городом вздымаются великолепные унылые промышленные трубы! Им даже удалось ограничить свою Луну рубиновой короной. Вот уж чудно было решение, – Фокс достал откуда-то из штанов трубку и начал рыться во внутренних карманах пальто. – Это в богатых светских районах. В бедных районах восточного Лондона, напротив, царит мрак и смрад. Там адская копоть и сажа облепила кварталы проституток. Каждый проходящий мимо мужчина мошенник, насильник, убийца или докер, а женщина либо подвергалась насилию, либо подвергалась насилию за деньги. Дети обучены жестоким хитростям взрослых и без труда могут прирезать какого-нибудь простеца даже за полпенса. Туда-то мы и держим путь!

– Что? – подскочил Жан-Антуан. – Но почему?

– А вот же оно! – Фокс достал маленький желтый бумажный сверток и раскрыл, положив себе на ногу. Внутри свертка ютилась горстка высушенных красновато-черных листьев с кусочками фиолетовых стебельков. Набрал полторы щепотки в трубку, человек в старом цилиндре бросил взгляд на Жана-Антуана, словно только что расслышал его вопрос. – Что? А! У меня там дело. Важное. Которое я не могу поручить поверенному... денежное... хотя нет, не денежное... лишь отчасти. Но ты не беспокойся, это быстро. Моргнуть не успеешь, как я буду целиком в твоём распоряжении в качестве гида и покажу все величие Лондона.

– Что за дело может привести вас в район столь отвратительный по вашим описаниям?

– Ищу старого знакомого и рассчитываю узнать о нем у других своих знакомых, которые как раз живут в этом ужасном районе, – Фокс убрал бумажный сверток обратно в карман и закурил. – Но ты не беспокойся, тебя не тронут, пока ты со мной, Джон.

Фокс поднялся и направился к двери в коридор вагона.

– Подышу свежим воздухом, – сказал он, сунув дымящуюся трубку в рот.

И закрыв за собой дверь, оставил Жана-Антуана в глубоком недоумении и тревожных предчувствиях.

Придерживая цилиндр от бьющего в лицо ветра, с зажатой трубкой в зубах он вышел на наружную площадку в начале вагона, спустился на решетчатую ступеньку и сел, свесив ноги над проносившимися внизу шпалами. Наверху в сизом просвете пасмурного неба между вагонами стелился буро-серый дым из трубы локомотива. Человек в старом цилиндре поглубже вдохнул сырого ветра и затянул громкую песню, болтая свисающими с поезда ногами.

Несколькими минутами позже от чтения газеты Жана-Антуана оторвал грохот резко распахнувшейся двери купе. Из коридора шагнул разлохмаченный Фокс, глаза его блестели тем безумным блеском, который юноше уже доводилось видеть минувшей ночью на пароме. Его пугающий вид завершал до хрипоты громкий шепот, которым он заговорил:

– Скорее! Бери все свои вещи и иди за мной! Нет! Не спрашивай ни о чем! У нас нет времени на объяснения.

Он так же стремительно вышел из купе и скрылся из виду, а когда растерянный и взволнованный юноша собирался уже выйти следом, в дверном проеме снова показался Фокс:

– Газету тоже прихвати.

Послушавшись своего гида, шелестя газетой, Жан-Антуан поспешил за опрометью несущимся по узкому коридору вагона Гаем Фоксом. Первым выбежав из вагона, Фокс неожиданно

исчез, чем обеспокоил своего французского друга, испугавшегося, что тот упал с поезда или, что еще хуже – свалился на рельсы в пространстве между вагонами. Жан-Антуан выскочил на площадку вначале вагона и тут его резко притянул к себе спрятавшийся за дверь Фокс.

– Меняем направление, Джон. Полежай туда, – все тем же громким хрипящим шепотом выпалил человек в старом цилиндре, указывая пальцем вверх.

Жан-Антуан посмотрел на небо, потом на проносящиеся обрывки дыма, потом на крышу вагона, из которого они только что выбежали. Когда он понял, о чем говорит Фокс, он тут же запротестовал и принял попытки вернуться в вагон, которые мгновенно ловко блокировал человек в старом цилиндре.

– Нет! Ни за что! Мсье Фокс, что бы ни случилось, я туда не полезу! Я не переносу высоту, я упаду и разобьюсь, что не входило в планы моего путешествия! Пустите меня...

– Скорее! Сюда идет проводник!

– И хорошо, пусть объяснит мне, что происходит!

– Нет необходимости, он пока сам ничего не знает. Немедленно полежай на крышу, Джон!

– Нет и еще раз нет!

То невероятное, что произошло следом, уязвило чувство собственного достоинства Жана-Антуана и наглядно показало, насколько человек в старом цилиндре сильнее его. Фокс неожиданно набросился на испуганно метнувшегося в сторону юношу, обхватил его своими сильными руками и оторвал от площадки, на которой они стояли. На мгновение Жану-Антуану показалось, что этот безумный британец сбросит его с поезда, но Фокс, наоборот, норовил посадить юношу против его воли. Жан-Антуан болтал ногами, пытаясь высвободиться, кричал какие-то проклятья и пробовал ухватиться за крышу вагона, но только для того, чтобы переползти через Фокса. А человек в старом цилиндре присел и подхватил юношу за ноги, чтобы втолкнуть его наверх. Когда Фокс резко выпрямился, юноша с возмущенным вскриком чуть не выскользнул у него из рук, и в панике наступил на старый цилиндр у британца на голове. Так оба боролись друг с другом едва сохраняя равновесие и, в конце концов, Фокс затолкал Жана-Антуана на крышу вагона.

Жан-Антуан лег на ледяной металлический настил плашмя и старался не двигаться, чтобы не сползти и не упасть с поезда. Ветер вырывал газету из пальцев, прижимавших ее к крыше. Придерживаясь за стенку вагона, Фокс залез на перила площадки, балансируя рукой свой центр тяжести, затем прыгнул на вагон и ухватился за крышу. Цепляясь за протянутые ноги Жана-Антуана, он подтянулся, забросил ногу и вдруг неожиданно вскрикнул:

– Газета!

Жан-Антуан открыл зажмуренные глаза и безжизненным отстраненным взглядом уставился на рвущуюся из-под его руки газету, словно прижать ее крепче было не в его силах. Фокс спешно поднялся и выпрямился в черном облаке проносящегося, словно сквозь него трубного дыма паровоза, но вихрь уже вырвал бумагу и подхватил газету в воздух, унося прочь в конец поезда.

Вскрикнув, человек в криво смятом цилиндре сорвался с места и без памяти во весь опор бросился за уносящейся газетой. Ветер подгонял его в спину и сбивал с ног, но Фокс, не помня страха, мчался по крыше вдоль вагона, оставив своего ошеломленного французского друга в ужасе наблюдать за всем позади. Добежав до конца последнего вагона, Фокс подпрыгнул на месте, схватил газету и медленно побрел обратно, складывая газету и засовывая ее в карман.

Вернувшись, он сел рядом с Жаном-Антуаном, шурясь от едкого дыма, в трене которого они ехали.

– А здесь довольно холодно, – заметил растрепанный Фокс.

Кипя от злости и осознавая свое бессилие, Жан-Антуан гневным взглядом ответил на прозвучавшие слова. Фокс поерзал на ледяной крыше, устраиваясь потеплее, потом достал из кармана газету, развернул и принялся читать смятые и бьющиеся на ветру листы. Но было

уже довольно поздно и в темноте строки сливались между собой. Тогда Фокс бросил несколько коротких взглядов на мрачного и молчаливого Жана-Антуана и протянул ему газету:

– Не считаешь вслух?

Француз смерил своего друга возмущенным взглядом и оттолкнул протянутую газету.

– Что в этой газете такого, из-за чего мы в спешке покинули свое купе и забрались сюда? Что в ней такого может быть опубликовано, из-за чего вы, рискуя собственной жизнью, бросились через весь поезд, перепрыгивая с вагона на вагон за этим никчемным клочком бумаги? Объясните, прошу вас!

– В газете? – сдерживая смех, удивился Фокс. – Ты подумал, это все из-за газеты? Как всегда ты поражаешь меня своими чудными предположениями, Джон! Нет, ну это и правда так смешно! При чем здесь газета? Дорога не самая близкая, нужно ведь и почитать что-то. И вовсе я не рисковал жизнью, перестань, – отмахнулся он. – Так ты не будешь читать?

– Вы ненормальный! Я требую немедленных объяснений!

– Тихо! – увидев, как проводник внизу открывает дверь вагона, просипел Фокс и зажал лицо Жана-Антуана злосчастной газетой, повалив его на спину. Юноша начал брыкаться, но благодаря Фоксу достаточно бесшумно. Проводник скрылся, не заметив ничего подозрительного. Фокс отпустил юношу. – Ты ведь хочешь доехать до Лондона? А если нас обнаружат, сразу же вышвырнут посреди пути, даже не сбавляя ход! Это не просто треп. С моим приятелем Уилли такое уже случилось. Беднягу скинули на полном ходу, и тот угодил прямо в дерево. С тех пор его зовут Уилли Пол-лица. Больше с ним никто вместе не выпивает и уж тем более не ест. Желудок не выдерживает зрелища.

– Перестаньте, мсье Фокс! С какой это стати нас будут высаживать на полпути? Мы уважаемые люди... ну, по крайней мере, за себя точно могу поручиться. Вы что, никогда не ездили на поездах прежде? Мы заплатили за билеты и...

Жан-Антуан потерял всякую уверенность в своих словах и замолчал, с еще большим ужасом вытаращившись на своего британского друга, когда Фокс затолкал газету в карман и с хитрой улыбкой на одну сторону достал свой уже надорванный билет, демонстрируя его непригодность.

– На самом деле, у нас нет билетов, Джон. А эти билеты были использованы на днях. Джентльмены, с которыми ты видел меня в таверне, любезно одолжили их. Эти клочки бумажки им уже все равно не пригодятся. Никогда не плати за то, что можешь получить бесплатно. Все затруднения, которые нам пришлось понести в этой поездке, возникли ввиду того, что прогуливаясь по поезду, мне не удалось раздобыть пригодные билеты.

– Вы просто мошенник!

– Ты меня не знаешь, малыш. У меня честное сердце.

– Если для вас железнодорожные расходы слишком велики, вы могли бы попросить меня купить нам билеты.

– На что? На ваши французские франки и прочие су? Здесь? О, сомневаюсь. Но, как я уже сказал, человек смысленый никогда не станет платить за то, что может получить бесплатно. Я и не собирался покупать никакие билеты, точно так же как и билеты на паром. Кстати, запомни это правило, Джон. Это первое из трех моих основных правил... ах! До чего же дивные пейзажи мчатся мимо нас!

Юноша достал замерзшими онемевшими пальцами свой билет из припачканного сюртука и безнадежно покрутил его в руках в сумеречном свете догорающего посреди синевы золота заката. Только сейчас он начал понимать, насколько велик и равнодушен мир. Этот привыкший к ночевкам под открытым небом безумный британец плевать хотел на то, как здесь холодно и неудобно. Мало того, что он оказался совершенно беспринципен, так еще и неприязнителен и дерзок.

Использованный два дня назад билет истошно колотился в пальцах юноши, пока они не выпустили его, и тот не перелетел через плечо Жана-Антуана, скрывшись в темнеющей глуши. И тут дурные подозрения начали закрадываться в его голову.

– Стало быть, если вы не покупали билеты, то вы вообще не готовились к поездке, пока я спал в своей комнате в гостинице? А кофе? Он был заказан для меня или для вас, мсье Фокс?

– Что-то я не уловлю мысли. К чему ты клонишь, друг мой?

– Я начинаю испытывать сомнения на счет той причины, по которой у вас оказались мой кошелек и шарф-галстук.

Фокс хитро подмигнул Жану-Антуану и потряс пальцем у того перед носом:

– У меня имеется исчерпывающее объяснение, которое развеет все твои сомнения, малыш!

– Извольте озвучить, – требовательно попросил Жан-Антуан, внутренне уже опасаясь очередного подвоха. – И хватит вам называть меня малышом!

Человек в смятом цилиндре подвинулся ближе и, мистически разведя руки со скрюченными пальцами, преувеличенно произнес будто заклинание «фокус-покус»:

– *Бытовое недоразумение!*

Потом вопрошающе поднял брови и покивал. Эффект, который, по его мнению, должны были произвести эти два волшебных слова на Жана-Антуана, обещал увязать все нестыковки и произвести на юношу неизгладимое положительное впечатление о магических способностях человека в смятом цилиндре.

– М-м-м? Что я тебе говорю? То, что сегодня произошло с твоим кошельком и тряпкой, иногда случается в мире людей. Недоразумения повсюду, и чем чаще ты выбираешься в люди, тем больше их случается. Не переживай, Джон, задуманное тобой путешествие сделает из тебя человека сноровистого, если ты не отступишься, и такие мелкие неурядицы больше не будут тебя волновать, – шепотом закончил Фокс.

Напуганный этим безрассудным представлением, Жан-Антуан молча таращился на своего спутника, потом еще долго не произносил ни слова. Он вспомнил, что Фокс намеревается отправиться вместе с ним в ужасные районы Лондона и искать там своего друга. Предстоящие планы человека в смятом цилиндре, очевидно, не принимали в расчет интересы Жана-Антуана и сулили потрясения гораздо более сильные, чем череда произошедших сегодня инцидентов, в которых Фокс распорядился вещами Жана-Антуана и самим Жаном-Антуаном как своей собственностью. К подобному отношению к себе юноша не привык, и привыкать не собирался.

Если не взять ситуацию под контроль, все может очень дурно закончиться для юноши. Когда он собрал все силы и заговорил, его тон сделался официальным и оттого мало похожим на голос Жана-Антуана:

– В Лондоне нашим путям придется разойтись, мсье Фокс. Безусловно, при условии, что мы вообще доберемся до Лондона.

Фокс безмолвно покосился на юношу из-под полей цилиндра и ничего не ответил.

Жан-Антуан продолжил:

– Пожалуйста, не обижайтесь на меня. Я рад знакомству, но... я вспомнил о знакомых нашей семьи, которые как раз живут в Лондоне... прямо у Дуная...

– Темзы.

– Да-да, верно. Благодарю! Темзы, точно. Так вот, я, пожалуй, остановлюсь у них и... ну, понимаете, посему я не смею больше отвлекать вас от ваших дел. Вы больше не будете испытывать на себе тяготы разногласий, которые у нас возникают время от времени, а я смогу отдохнуть немного прежде, чем продолжить свое путешествие. В общем, на вокзале мы с вами и распрощаемся.

Фокс внимательно выслушал юношу и вдумчиво покивал. Потом наклонился к Жану-Антуану и заглянул в его глаза с безумным подозрительным прищуром.

– Врешь ты все. Не к кому тебе идти в Лондоне. К тому же за тобой должок, малыш Джон. Раздавшийся следом леденящий душу безумный смех Фокса выдавил из груди Жана-Антуана тихий сдавленный вздох.

– Я вам ничего не должен! – попытался перекричать его смех Жан-Антуан.

Человек в криво смятом цилиндре тут же уставился на юношу с новым огнем в черных глазах.

– Нет? А подумать немного, так если бы не я, тебя бы уже волокли под руки, чтобы вышвырнуть с поезда как последнего оборванца. Может даже, в руки властей передали бы в качестве преступника. Скажи-ка, тебе доводилось раньше коротать дни в каталажке?

– Это вовсе не довод! Лишь по вашей милости я оказался втянут в авантюру с билетами! Фокс задумался, потом утвердительно покивал.

– Справедливо. Ладно, хорошо! Давай так, – он хлопнул Жана-Антуана по плечу, закурил губу и замычал, усиленно раздумывая над предложением. – Ты отплатишь мне услугой за услугу, и я отпущу тебя. Не трясись, это быстро. К полуночи будешь свободен, как птица. Тебе ничего не придется делать. Сходишь со мной в один паб, мы пропустим по стаканчику, и гуляй себе на здоровье. Уже сегодня обо мне и не вспомнишь даже.

– Нет, не буду я пить...

– Хорошо, зайдешь со мной в паб, мы посидим минут пять, и ты уйдешь, куда захочешь.

– Пять минут?

– Ну, десять. Но не больше.

– Как же я уйду, если вы затащите меня в район, где всюду одни убийцы и воры?

Фокс хитро улыбнулся на одну сторону лица.

– В том-то и дело, малыш, что увидев тебя со мной, никто тебя не тронет.

Сейчас Жан-Антуан выглядел особенно жалко и потерянно. Он почесал затылок, поднял повыше воротник и шморгнул носом, раздумывая над предложением. Таким простым и обещающим наименьшее количество сложностей. Пытаться переспорить британца было бы куда сложнее.

Бросив слабодушный взгляд на Фокса, он осторожно поинтересовался:

– А в чем подвох?

Фокс пожал плечами.

– Ты мне правда нравишься, Джон. Ты славный парень с деловой жилкой. Но ты рожден сидеть у камина и читать книги. В лучшем случае писать. Сдается мне, даже путешествия для тебя непосильное приключение, на которое тебя могло толкнуть лишь нечто неотвратимое. Мой путь уходит далеко в дебри. Тебе со мной нельзя.

Жан-Антуан поразился пронизательности человека в цилиндре. Он с самого начала раскусил юношу без доли усилий. Однозначно прирожденный мошенник. Что касается его пути, сомнений на этот счет у юноши не было, он даже не хотел думать о том, какие планы на свой визит в Лондон заготовил человек в смятом цилиндре.

– И потом, ты дурно на меня влияешь, – сварливо добавил Фокс.

– Если я откажу, вы меня никак не отпустите?

Тот с сожалением посмотрел на Жана-Антуана и отрицательно покачал головой.

– Но ведь я спрашивал не о том, почему вы меня отпускаете. А о том, зачем я нужен вам в пабе? Это же не ваша прихоть, как в тот раз с газетой?

– Что ты, нет! Кстати! Мы подъезжаем!

– В чем же тогда дело, мсье Фокс?

Подложив под себя газету, чтобы сидеть стало хоть немного теплее, Фокс вкрадчиво проговорил:

– Если я расскажу о своих делах в пабе, тебе придется остаться со мной и впредь. И никуда ты не денешься. А ведь ты же не хочешь больше со мной путешествовать, верно?

– Да, но...

– Вот поэтому давай-ка без любопытства, Джон, – с лукавой полуулыбкой отрезал человек в смятом цилиндре. В минуты, когда он говорил самые пугающие вещи, его голос мог становиться совсем бархатным и мягким, что, несомненно, выдавало в нем настоящего безумца.

Глава 4. Человек, который нанял банду

Омытый сиянием горящих фонарей и окон ночной Лондон несся прямо на двух людей, движущихся по поезду. То и дело опасно приседая с выброшенными в стороны руками, осторожно ступая по дрожащим под ногами крышам вагонов в конец поезда, юноша спрашивал себя, что он делает и когда именно он заразился тем диким сумасшествием, которым, по его убеждению, был болен бодро шествующий впереди Фокс.

Вместе с затрудняющим движение ветром, бьющим в спину, и щиплющим глаза дымом вокруг пролетали мелкие искры, а сильные толчки, участившиеся с подходом паровоза к городу, буквально выбивали почву из-под ног. По мнению Фокса, незаметнее всего им удастся сойти с поезда с площадки последнего вагона. Мотивируя свое желание пройтись по крышам вагонов еще раз, он именно так все и объяснил Жану-Антуану. И если посреди незастроенной природы юноша боялся упасть с едущего поезда, когда сидел, то теперь, в городе, когда он преодолевал себя, делая каждый следующий шаг, этот страх принял очертания укоренившейся фобии. Однако его спутник, напротив, получал удовольствие от столь увлекательной прогулки и снова напевал себе под нос свою неразборчивую мелодию.

Дойдя до хвоста поезда, он остановился на краю вагона и с назидательным видом развернулся к передвигающемуся на согнутых в коленях ногах юноше.

– Давай же, Джон! Право слово, даже не представляю, что тебя так волнует. С тобой ничего не случится. Это же поезд, их делают совершенно безопасными, – для наглядности в подтверждение своих слов он попрыгал на одном месте, каждый раз приближаясь спиной к краю на несколько дюймов ближе. – Вот видишь? Ничего не случилось.

– Стойте! Больше так не делайте, прошу вас! – неожиданно высоким голосом прокричал Жан-Антуан. – Я не смогу взять на себя ответственность за вашу гибель, если вы оступитесь из-за моего осторожного отношения к нашей пешей переправе.

Его слова видимо насмешили Фокса, и тот с задорной улыбкой принялся слезать с крыши на перила площадки. Смятый цилиндр ловко скрылся из виду, нырнув вниз, а затем и смуглые пальцы отпустили холодный настил крыши.

Когда Жан-Антуан почти ползком добрался до края вагона, он чуть не столкнулся с головным убором Фокса, выглянув оценить степень сложности предстоящего спуска.

– А знаешь, что самое забавное? – воскликнул Фокс. – Вот как раз эти перила малость шатаются.

Он указал на те, на которых все еще стоял, высунувшись с правой стороны вагона.

– Как вы посоветуете мне слезть? – поинтересовался побледневший Жан-Антуан.

– «Как»? Остряк ты, Джон! Так же, как и залазил туда, – хохотнув, быстро отозвался Фокс и продолжил озирать стремящийся по сторонам город.

– Но вы против моей воли втолкали меня сюда!

– А-а-а! Помню, помню! – с ностальгической улыбкой покивал Фокс, будто это было в прошлом году, и не успел Жан-Антуан понять, в чем дело, как Фокс обеими руками схватился за сюртук юноши и принялся стаскивать француза вниз, балансируя на шатких перилах над проносившейся внизу железной дорогой без какой либо подстраховки.

Жан-Антуан тут же с ужасом завопил и начал цепляться за крышу вагона, отталкивать безумца ногой, снова вопить, пытаться заползти обратно – делать все, только бы не погибнуть, – но Фокс, оперевшись одной ногой в стенку вагона, почти что повис на полах его сюртука, что неумолимо приближало момент когда они оба свалятся на рельсы и переломают себе шею и кости.

– Перестаньте! Мсье! Нет! Остановитесь! Мсье! Я слезу! Я сам! Сам!

– Ну, хорошо, – на удивление быстро согласился Фокс, отпустил его сюртук и прыгнул на площадку, уступая возможность для самостоятельного спуска Жану-Антуану.

– Мерси, – тяжело отдуваясь, пробормотал юноша.

После очередной ужасной выходки человека в смятом цилиндре, спуск уже не казался таким смертельно опасным предприятием. Удивившись собственным физическим возможностям, Жан-Антуан сравнительно легко справился с этой задачей. Юноша просто переждал, когда сердце перестанет бешено колотиться и рваться из груди, спустил ноги, а затем и весь протянулся с крыши, держась за нее руками и всячески избегая угрозы наступить на шатающиеся перила, на которых до этого стоял Фокс. Словом, это был не очень ловкий, но безопасный в плане негативных последствий спуск.

Так, стоя на задней площадке в хвосте поезда, они въехали в покрытый ночной тенью современный Вавилон – Лондон. Где-то там, в величественной темноте жили светские львы и королевская семья, под светом масляных фонарей тянулись по своим домам бесчисленные толпы разных классов и сословий, собирались с работы уличные торговцы и замерзали бедняки. Всевозможные лавки и конторы закрывались, в театрах опускались занавесы, а питейные заведения продолжали полниться многоголосым шумом праздности. Этому городу, казалось, не было конца. И переполненный радостью Жан-Антуан почувствовал себя так, будто оказался в столице мира. Он, наконец, потерялся, чего и добивался. Сбежал от всех и от себя самого. Буржуазный Париж забылся. Лондон прибрал его под свое крыло.

Как и обещал Фокс, они взяли кэб и отправились в места, которых Жан-Антуан наверняка бы попытался избежать, путешествуй он в одиночку. Едва они успели сойти с подножки – экипаж унесся прочь, оставив француза и его гида одних посреди грязной неосвещенной улицы. Откуда-то издалека, из глубин безымянной бедноты, ветер доносил звуки разошедшейся ссоры нескольких человек. Фокс стоял, неспешно разглядывая здание, перед которым они остановились, а Жан-Антуан ошеломлено озирался по сторонам.

– Что ж, чем скорее, тем быстрее... – пробормотал себе под нос человек в смятом цилиндре и зашагал к дому.

Паб «Дурнушка Салли» ютился в одном из двухэтажных домиков Поплара, в полуподвальном помещении. Закопченные окна пропускали на ночную улицу лишь тусклый оранжевый отблеск, неряшливо стелящийся по земле. Вывеска уже давно почернела, и название скрылось с глаз. Удостовериться, что это именно тот паб возможности не представлялось.

Спустившись по истертым осыпающимся ступеням к парадному входу, Фокс брезгливо пихнул тонкую дверь и вошел первым. Грязный задымленный полумрак скрывал стены по бокам от входа, покрывал столы и стулья, а свет коптящих сальных светильников выхватывал разномастные фигуры сидевших здесь шести человек и работника паба за стойкой.

На первый взгляд могло показаться, что перед вошедшими путниками сидели завсегда-таи этого питейного заведения. Но это лишь отчасти было правдой. Все, кроме одного единственного сидевшего у стойки худого мужчины – он пил стакан за стаканом и не замечал ничего вокруг, – усталились на вошедших с редкостной враждебностью и алчным любопытством. Это были самые мерзкие опустившиеся люди, которых Жан-Антуан видел в своей жизни. В душно накуренном помещении паба от их тряпья все равно разило застарелым потом и алкоголем.

– У нас закрыто, джентльмены, – язвительно послышалось от столика слева от Фокса и Жана-Антуана.

Человек в смятом цилиндре словно бы и не услышал обращения. Он хлопнул по груди Жана-Антуана и медленно стал выходить из темноты, приближаясь к самому центру помещения, что, разумеется, лишь раздрадило сидевший по сторонам люд.

– Я слышал, недавно ты проворачивал одно денежное дельце, о котором потом старался не распространяться, – громко заговорил Фокс. – Но не все выжившие, кто в нем участвовал

вместе с тобой, оказались столь же скрытны и скромны. И не у всех есть вспыльчивый старший братец-деспот.

Чуть не выпавший стакан с грохотом опустился на столешницу стойки.

Костлявые плечи напряглись, и сидевший у стойки человек огорошено повернулся к гостям. Он долго таращился на Фокса, верно пытаясь понять, мерещится ему или нет. А когда ощущение реальности все же перевесило, под его длинным носом растянулась самодовольная и одновременно растерянная ухмылка.

– Так-так-так... – протянул он, вытирая ладони об себя, и приветственно развел руки, – черт, смотрите-ка, кто к нам пожаловал! Сам мистер Чарли Бродячие Штаны!

Тихие смешки и шепот от столиков тут же смолкли.

До ужаса встревоженный Жан-Антуан хотел было оглянуться, но тут до него дошло. Он застыл на месте, глядя в спину Фокса взглядом полным беззащитного недоумения, с каким, пожалуй, мог бы смотреть на юношу один из тех зайцев, которого он подстрелил пару недель назад в лесу.

– Вы! – в сердцах проговорил француз.

Польщенный оказанным приветствием разбойник повернулся к Жану-Антуану и рассеянно только сказал вполголоса:

– Замнем, Джон.

– Налей ему выпить, не стой, как идиот! – проворчал худой человек у стойки, обращаясь к работнику. – Чарли! Чарли, сколько лет мы не виделись? Не будем так из огня да в полымя. Садись, выпей с нами, представь нам своего друга, я представлю тебе своих новых компаньонов. Они много слышали о тебе!

– Что мне те годы! – бахвально воскликнул Фокс. – Не будем тянуть кота за яйца, в Лондоне я по важному делу...

– Денежному?

– Нет. Не на этот раз. Ты знаешь, что я ищу, – многозначительно произнес человек в смятом цилиндре и направился к стойке. – Выгода здесь исключительно моральная.

Старый друг Чарли помрачнел и кивнул, чтобы ему тоже налили.

– Так ты думаешь, я смогу тебе в этом чем-то помочь? – спросил он.

– Предчувствие меня еще никогда не подводило, верно?

– Да-да... это правда, – задумчиво пробормотал его худой собеседник.

Фокс, а точнее, Чарли Бродячие Штаны не стал медлить:

– Кто он? Как выглядел человек, который нанял твою банду? На каких условиях о передаче денег вы уговорились? Где встречались? Где передавали деньги? Как он вас кинул?

– Что? Никто меня не кидал! И не посмеет...

Чарли скептически издал ртом неприличный звук.

– Чушь! Ты хотел облапошить его и убить, а его долю присвоить себе, но он прикончил больше половины твоих поделчиков, пока ты удирал. А тебе чуть пулю в зад не всадил.

Опрокинув стакан, худой человек нахмурился и подпер голову кулаком. Выпустив отряжку, он хмуро взглянул на Чарли.

– Что-то особенно болтливый паренек тебе попался. Как его зовут?

– Пинкет...

– А черт с ним, ты все равно никогда не запоминаешь имен.

– ...может Кроткотт...

– Ты хотел сказать Плакнет?

Чарли только собирался сесть на табурет, как вдруг оживленно подскочил и закивал, потом задумался и отрицательно покачал головой.

– Вот точно не Планкет.

– Плакнет, – исправил худой человек.

– Как?

– *Плакнет!*

– Тебе виднее.

– Так это он?

– Кроткотт?

– Нет, же! ЧАРЛИ! Проехали, не важно. Как ты вообще нашел того, кто тебе все это рассказал?

Удобно устроившись на табурете, поерзав, окинув присутствующих (включая Жана-Антуана) пристальным подозрительным взглядом, человек в смятом цилиндре взял стакан с той же жидкостью, которую пил его худой друг и холодно произнес:

– Мертвеца допросил.

В пабе воцарилось суеверное молчание. Все начали переглядываться, а Жан-Антуан все больше чувствовал, что должен бы быть сейчас где-то в другом далеком отсюда месте. Внезапно худой человек разразился хохотом, и все засмеялись ему вслед. Но Чарли не смеялся, он был совершенно серьезен и по-прежнему озирал всех изучающим взглядом. Когда его старый друг сообразил, что это не шутка, он закашлялся и вскоре умолк.

– Так, а че ты... это... ну... че, ты правда с мертвецом языки точил?

– Ты меня знаешь, о таких вещах я не вру, – подтвердил Чарли, покосившись на него.

После еще нескольких мгновений молчания его худой друг разразился хвалебными воплями и восторженными возгласами в адрес Чарли.

– Ну только ты можешь такое отмочить! Парни, давайте выпьем за моего друга! Налейка всем, Сэмми!

Паб сотрясся от пяти одобрительных выкриков. Кружки наполнились элем, Чарли сказал, чтобы ему и юноше с которым он пришел, налили джина. Его худой друг смеялся, но что-то в сухом лице этого, если присмотреться, молодого человека переменилось, и улыбка не казалась больше такой искренней для хорошо знавшего его Чарли.

Дельце, о котором худой не хотел распространяться, стало известно не просто каким-то незнакомым людям, оно привело сюда в Лондон человека начисто лишённого страха и наводящего трепет на тех, кто слышал легенды о разбойнике по имени Чарли Бродячие Штаны. Между тем взгляд блестящих черных глаз неуклонно отслеживал теперь каждое движение худого.

– Красавчик! – окрикнул Чарли.

– Да? – отозвался худой.

Чарли наклонился к нему и выразительно произнес:

– Ты окажи любезность, время-то не тьяни. У меня есть, чем заплатить за твою информацию.

– Толковый ты человек!

Разбойник никак не отреагировал на похвалу. Худой поправился, прочистил горло и жадно ухмыльнулся:

– Но и ты не обидь старого друга, Чарли. Покажи хотя бы, чем будешь платить. Порадуй нас, каким добром разжился?

Человек в смятом цилиндре усмехнулся так, словно только и ждал этой просьбы, соскочил с табурета и медленно зашагал от стойки, кружа между столиков, то появляясь, то скрываясь в темноте.

– Знаешь, Франция уже не та, что раньше. Не то, что у нас на острове. Теперь это очень опасное и бесчестное место. В порте Кале меня ограбили два каких-то жалких щуплых щупня. Стащили всё, все деньги и огрели лопатой по голове. Но я ехал специально к тебе, чтобы узнать о твоём денежном дельце. А точнее, о человеке, для которого ты и твои компаньоны выполняли услугу. Поэтому я прихватил для тебе кое-что ценное!

Красавчик довольно хлопнул в ладоши и потер руки. Чарли остановился возле Жана-Антуана, который так и стоял на одном месте посреди помещения, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания.

– Оставляю тебе в залог этого парня, – Чарли хлопнул Жана-Антуана по плечу. – Джона. Он, правда, француз, от него многовато шума, но в остальном довольно выгодное вложение! Как тебе?

Жан-Антуан возмущенно повернулся к Чарли:

– Простите, что?! Нет!

Красавчик и остальные удивленно посмеялись.

– Пока он побудет у вас. А хотите, можете оставить его себе. Деньги занесу на днях. Фунтов десять, думаю, пойдет, – продолжил Чарли на том же месте, где прервался. – А от тебя потребуется рассказать мне о человеке, который нанял твою банду и снабдить меня оружием, какое у тебя имеется. Пистолеты, сабли... ну ты знаешь, мои вкусы.

– ...вы слышите? Нет! Я категорически против! – далее юноша разразился чередой гневных проклятий и перешел на французский, изрядно позабавив Чарли Бродячие Штаны.

Он глянул на плещущийся в руке Жана-Антуана джин, забрал его стакан и глотнул.

– Но зачем нам этот малый, Чарли?

– Не знаю, прояви фантазию. Люди дороже денег! Можешь хоть в поместье Мэдстоу продать, эти ненормальные Сандерленды уж точно знают цену людям.

– В те места мы не суемся, сам знаешь, – мрачно проворчал худой.

– Ладно тебе, не будь так привередлив, это всего лишь залог.

– Ну не знаю, не знаю...

Красавчик долго обдумывал предложение, рассматривая похолодевшего Жана-Антуана и пытаясь понять, на кой черт ему сдался какой-то француз Джон. Потом его явно посетила какая-то интересная для него мысль, и он устоял на Чарли с довольным жадным оскалом.

– Чарли?

– Чего?

– Так ты говоришь, тебя обокрали, и у тебя нет ничего, даже оружия, поэтому ты пришел ко мне.

Чарли нетерпеливо фыркнул.

– Ну да! Красавчик, долго соображаешь.

– То есть, я хочу сказать, ты сейчас безоружен? – осторожно уточнил худой.

– Верно! Поэтому-то я и пришел к тебе. Прикупить средства самообороны и нападения по дружеским ценам.

Красавчик задумчиво покивал, потом неуклюже слез с табурета, оказавшись еще и низкорослым хромым.

– Отлично... Джентльмены! – крикнул он во всю глотку, заплетающимся языком обращаясь к своим компаньонам, которые тоже с готовностью повставали из-за столиков с обеих сторон от Чарли и Жана-Антуана. – Сейчас он не опасен. Хватайте этого придурка и его шута-француза!

Все пятеро с бешеными криками бросились на стоявших в центре зала гостей. Не дожидаясь, когда на него обрушатся удары увесистых кулаков, Чарли Бродячие Штаны одним прыжком забрался на ближайший справа стол, из-за которого только поднялся узкоглазый проворный парень, и запустил ногой стоявшую на столе кружку эля тому прямо в голову. Жан-Антуан побежал к выходу, но его поймал за сапог и начал тащить по вонючему земляному полу высокий толстый верзила в нелепо смотрящемся на нем котелке. Три пары рук потянулись за Чарли, чтобы сбросить его со стола, но он уже прыгнул и ухватился за деревянные балки под потолком. Красавчик наблюдал за всей этой веселой возней с радостной усмешкой, а когда понял, что Чарли ловко перебираясь с балки на балку, приближается к нему, схватил из-за стойки

бутылку джина и запустил ею прямо в Чарли. Бутылка разбилась о смятый цилиндр и сорвала разбойника с потолка. Три галдящих человека расступились перед падающим Чарли, и тот плашмя рухнул на пол.

Увидев это, Жан-Антуан невольно обмяк и перестал сопротивляться. Он уставился на обездвиженное тело человека, которого он знал под именем Фокса и с которым провел целые сутки долгого пути из Кале в Лондон. Великого разбойника победила горстка безвестных отвратительных опустившихся бандитов.

Китаец начал приходить в себя. Верзила в котелке неожиданно врезал Жану-Антуану в лицо, и нос юноши прыснул жгущей кровью на замерзшую с улицы обветренную кожу. Усадив француза на стул, верзила сел за тот же стол.

Безвольно болтающееся тело Чарли подняли двое дружков Красавчика и взгромоздили его руки себе на плечи. Разошедшийся и вошедший во вкус Красавчик лихо переполз через стойку, оттолкнул работника Сэмми, выбрал себе новую бутылку джина. Предприняв несколько попыток, он перекатился через стойку обратно и подошел к Чарли, злорадно рассматривая его беспомощно висящую голову.

Открыл крышку и хлебнул из горла бутылки. Плеснул в лицо человека в смятом цилиндре. Тот дернул головой, начав приходить в себя.

– Чарли, Чарли... – проговорил Красавчик и отвесил внушительный шлепок по щеке разбойника. – Как глупо было заявиться сюда и рассчитывать на помощь после всего, что моя семья натерпелась от тебя. Ты думал, можешь просто взять все, что наши парни нажили своим трудом, а иногда и кровью, и улизнуть из страны на несколько лет, чтобы потом неожиданно вернуться, и, не прося прощения, потребовать, чтобы я тебе чем-то помог? Ты думал, братья Сканланы проглотят и забудут, как ты унизил наш авторитет в глазах остальных парней из банды?

Чарли поднял на того сосредоточенный изо всех сил, но все еще отсутствующий взгляд. Поразмыслил какое-то время, потом вяло протянул:

– Кратко говоря, да.

Красавчик засмеялся, и все его дружки тоже засмеялись.

– Только я оставил с носом лишь нашего главного, твоего недоумка братка Тома Сканлана, от которого втихую воротило всех парней из банды. И сделал бы то же самое вновь. А добро ребят я не трогал, если только ты не прошелся следом за мной и не соврал, что это был я. Кстати, джентльмены, – Чарли повертел головой, глядя на тех двух, что держали его, – у вас случайно ничего не пропадало за то время, пока вы водитесь с Красавчиком? Неужели он у вас типа за главного? А знаете, я его знал как сопливого шестнадцатилетнего мальчонку-подхалима, неспособного даже подтереть свой зад без помощи старшего брата.

– Заткнись! Заткнись, тебе говорят! Дохнуть будешь, станешь молить о прощении! Чарли, я тебя порежу, мамашей клянусь!

– О! О! Хорошо, что ты заговорил об этом! – обрадовано воскликнул Чарли. – Я заметил у тебя в партнерах китаец. Хочу спросить, разве вам, Сканланам, мамаша не запрещает завести дружбу с китайцами, боясь, что вы заведете смешанные браки? Не повезло тебе родиться здесь. Будь ты девчонкой из Хокстона, не пришлось бы прятать своего китайского парня...

Неожиданно взбешенный китаец с воплем, выхватил бутылку из рук Красавчика и размахнулся, чтобы запустить ею по голове Чарли, но разбойник пригнулся, и бутылка угодила в лицо одного из тех, что держали Чарли на себе. Топнув, Чарли отдал ногу второго бандита – все еще державшего руку разбойника на своих плечах – схватил его и толкнул на бросившегося навстречу китаец. Оба неуклюже повалились, китаец вновь ударился головой, затылком налетев на стойку и без памяти рухнув наземь, прижатый здоровенным дружком.

Чарли решительно шагнул к оставшемуся растерянно стоять Красавчику, но худой с противной ухмылкой достал из-за пояса ножик и, озверело выкатив глаза, погрозил оружием сво-

ему старому другу. Это был обычный, вероятно, краденный, столовый прибор, заточенный преступником в годы, когда оба они с Чарли еще состояли в одной банде.

– Ну, давай, гаденыш! – проскрипел худой, сжав ножик в грязных костистых пальцах. – Только ты и я!

В это время над смятым цилиндром Чарли беззвучно выросла высокая шляпа с небольшими загнутыми с боков полями – двадцать лет как вышедшая из моды, еще более заношенная и потертая, чем цилиндр разбойника.

Только Чарли хотел было сделать рывок вперед на рисующегося Красавчика, как две покрытые шрамами руки обхватили человека в смятом цилиндре и оторвали от пола. В это время Красавчик сделал выпад, чтобы ткнуть Чарли ножом в живот, но разбойник врезал болтающимися ногами тому в челюсть. Красавчик взвизгнул и отлетел на стойку, выронив свой ножик.

Державший Чарли бандит врезал ему по ребрам и отпустил. Чарли свалился на пол, встал на четвереньки, бросив обиженный взгляд на возвышающегося над ним атлета в высокой шляпе. На жилистых руках с закатанными до локтя рукавами красовались многочисленные шрамы от порезов, от человеческих зубов и ожогов.

Чарли вяло похихикал, глядя на его шрамы:

– Вижу, у тебя было счастливое детство...

Не слушая своего противника, бандит с размаху ударил Чарли ногой в живот.

– Что-что? Повтори-ка? – издевательски разжевывая слова, выплюнул атлет.

Отлежавшись немного, Чарли оглянулся на изнывающего от боли Красавчика, попытался подняться, но бандит еще раз ударил его в живот так, что Чарли свалился лицом в пол.

– До чего же воняет, – сдавленно посетовал он, выплевывая грязь изо рта.

– Говорят ты великий разбойник. Непобедимый человек без башни и без страха.

От пола в воздух поднялся палец:

– Молва правду говорит... – заметил Чарли и снова попытался подняться, но снова получил удар в живот и испустил полный боли глухой стон.

– Но знаешь, кого вижу я? – с садистским оскалом процедил бандит в шляпе. – Смешного болтуна, которого мне раздавить только в удовольствие. Ты, наверное, и не дрался никогда по-мужски в кулачных боях, в кругу посреди галдящей толпы. Не убивал своими руками, как я. Чем же ты велик, а Чарли Бродячие Штаны?

Он размахнулся ногой, чтобы обрушить сапог на лицо противника, но неожиданно Чарли схватил с пола нож Красавчика и насквозь всадил лезвие в ступню бандита в шляпе. Заточенное лезвие разорвало подошву сапога, прошло меж костей и высунулось над сбитой кожей сапога. От боли тот заверещал, запрыгал на одной ноге, потерял равновесие и рухнул на задницу.

Чарли медленно поднялся, расправляя свое подбитое овчиной пальто, бросил взгляд на работника паба, предпочитавшего держаться подальше от разборок, на Красавчика, ползущего к двери в подсобное помещение, потом подошел к стойке и потянулся за одним из высоких табуретов.

– Эй, а хочешь узреть мое величие? – поинтересовался Чарли.

Бандит в высокой шляпе отвлекся от своей пронзенной ноги и поднял на него горящие от ненависти и слезившиеся от боли глаза. Тут же с грохотом об его атлетическую фигуру разбилась раскрученный со всего духу табурет. Тяжелое тело бандита откинулось назад, и сраженный, он повалился на землю.

Чарли склонился над ним, внимательно рассматривая проделанную работу.

– Ну как тебе? Это, по-твоему, по-мужски? Нет, ты только скажи, чтоб я знал, что тебе нравится, хорошо?

Бандит в высокой шляпе валялся на земле погребенный под дубовыми обломками с прокнутой ножом ногой, разбитым о табурет лицом и вряд ли в ближайшее время собирался поддерживать беседы.

Удовлетворенно кивнув, Чарли выпрямился и хотел было взяться за Красавчика, как услышал из темноты непонятные звуки тихой возни. Приглядевшись, он увидел довольно забавную картину. Жирный здоровяк в котелке повалил Жана-Антуана на стол и душил его, а Жан-Антуан болтал ногами, одна из которых была боса, и отчаянно лупил здоровяка своим правым сапогом. Чарли уже собирался пойти своему французскому другу на помощь, но вспомнил про важное дело, всплеснул руками, дивясь тому, как он мог об этом забыть, и повернулся к работнику паба.

– Сделай-ка мне и моему другу французам еще по порции джина, хорошо? Они платят, – он указал на валяющиеся в беспамятстве тела, затем взял еще один табурет и юркнул с ним в темноту.

Жан-Антуан вздрогнул, когда над раздувшейся от усилий головой здоровяка в котелке с громким треском разлетелся в щепки приличных размеров табурет. Жирные пальцы еще какое-то время сжимали налившуюся кровью шею француза, потом ослабли. Покачиваясь, здоровяк развернулся к Чарли, в руках которого остались две обломанные ножки табурета. Шагнув навстречу здоровяку, Чарли брезгливо ткнул обломком ножки в качающуюся тушу, и здоровяк откинулся на спину, с грохотом плюхнувшись на стол позади себя.

Освобожденный от удушающих рук Жан-Антуан выронил свой сапог, прокашлялся и стал жадно хватать воздух ртом. Чарли помог ему подняться со стола, подождал, пока юноша натянет сапог и повел его к стойке, где их ожидали две порции джина.

– Выпей, полегчает, – безапелляционным тоном сказал разбойник.

Жан-Антуан вытер окровавленное лицо, недоверчиво покосился на него, потом понял, что хуже от этого не будет, протянул дрожащую руку за стаканом джина, выпил и еще немного прокашлялся.

– Что вы здесь устроили? – осмелился подать голос работник паба.

Чарли повернулся к Жану-Антуану:

– Скажи ему.

– Что сказать? – с недоумением пробубнил юноша.

Чарли обернулся, оглядел поломанные табуреты, сокрушенную шайку бандитов, и осколки разбитых бутылок и кружек. Уверенно взглянул на Сэмми и величественно произнес:

– *Бытовое недоразумение!*

В пабе повисло молчание.

– Вы знаете, сколько стоит все, что вы разрушили?

– Так, все! Не реви ты, как девка! Умолкни! – пригрозил стаканом человек в смятом цилиндре. – Тащи сюда бутылку. Тоже за счет этих парней. Они сегодня щедрые.

– У меня что, сломан нос? – обеспокоился Жан-Антуан.

Разбойник еще некоторое время уничтожающим взглядом прожигал дырку в Сэмми, пока тот не послушался его распоряжения, потом принялся задумчиво разглядывать разбитый нос Жана-Антуана.

– Молю скажите же! Ну что там?

Чарли помычал, приглядываясь одним левым глазом – другой он прикрыл для точности, – потом беззаботно пожал плечами:

– Во всяком случае, не хуже чем было.

– Как так? О, нет!

– Не тревожься, Джон, у тебя теперь очень мужественный вид. Скажи ему, холуй!

– Да-да, сэр! Это действительно так, – охотно согласился Сэмми, протягивая открытую бутылку Чарли. – Только не разбейте, пожалуйста.

– Что ты, что ты! У меня имеется идея даже получше. Кстати, куда уполз этот доходяга Красавчик? – спросил Чарли работника паба.

– Э... не знаю...

ХЛОП!

Чарли обрушил ладонь на стойку и с бешенством вытаращился на Сэмми глазами настоящего безумца.

– Ты не устраивай здесь театр, ссыкун, если не хочешь чтобы я живьем съел твои кишки!

Француз и работник паба испугано уставились на Чарли. Сэмми тут же указал пальцем в сторону подсобки.

В следующую минуту Чарли Бродячие Штаны одной рукой тащил оттуда по земле ревущего и умоляющего о милости Красавчика. Пьяные слезы и страх совсем не красили этого дистрофичного уличного жулика. Оказавшись среди своих валяющихся без сознания дружков, Красавчик завопил с еще более истощенным отчаяньем. Чарли выволок его на свет и пихнул. Тот упал, потом стал подниматься на колени и вдруг вздрогнул, когда Чарли с сознанием дела начал выливать на него спиртное из бутылки.

– Че это? Че ты делаешь, Чарли?

– Разве не видно? Беру у тебя интервью, Красавчик, – как сам собой разумеющийся факт, объяснил разбойник. – Ты рассказывай пока о человеке, который нанял твою жалкую шайку дворняжек.

Вылив больше трех четвертей бутылки, Чарли допил остальное и побрел к одному из сальных светильников, висящих на стенах по бокам помещения.

– Не слышу тебя, Красавчик.

Он плюнул на ладони, взялся за нижнюю часть светильника и принялся отдиравать его от стены. Повозившись с этим делом пару минут и выбившись из сил, но так и не сорвав светильник со стены, Чарли вернулся к стойке:

– Эй, холуй! Спички есть?

– Да, сэр. Сейчас.

– Ищи скорее там!

– Хорошо, сэр.

– И не болтай!

– Зачем тебе спички, Чарли? – сорвавшимся голосом вскричал Красавчик. – Нет! Слышишь! Пожалуйста, я умоляю тебя, не делай этого!

Сердце Жана-Антуана сжалось. Пожалуй, всего несколько минут назад этот отвратительный, лишенный всякого понятия о достоинстве и чести худой человек собирался убить их обоих, но теперь он оказался во власти безумца разбойника в совершенно беспомощном положении, и полностью лишенный всяческих прав. Если бы эти преступники убили сегодня Жана-Антуана и Чарли, это была бы смерть в бою, но то, что задумал Чарли для своего давнего друга было не чем иным, как жесточайшей казнью, без суда и снисхождения.

Увидев, как Сэмми передает коробку Чарли, худой проскулил и приготовился прощаться с жизнью.

– Пожалуйста, не делайте этого! – попросил Жан-Антуан, схватившись за рукав Чарли.

Тот недовольно стяхнул руку француза и направился к Красавчику, начавшего все быстрее уползать на коленях от Чарли.

– Нет! О Господи! – заорал несчастный, содрогаясь всем телом.

– Так, о чем я там буду тебя просить, когда буду подыхать? – напомнил Чарли, догоняя Красавчика.

– Мсье Фокс! Пардон, мсье Чарли! Не нужно, вы уже проучили их.

– Это преступники, Джон! Они знали, как кончат, когда выбирали профессию.

– Но вы тоже преступник! – тревожно воззвал к жалости разбойника Жан-Антуан, увидев, как Чарли опустил ногу на спину ползущего Красавчика и прижал его к земле.

– О, не совсем, друг мой! Не совсем, – разбойник отрицательно покачал пальцем из темноты. – Все мы и наши жизни ничего не стоят по сравнению с тем делом, которое я обязан завершить.

– Каким еще делом?!

– Расскажи ему, Красавчик. Давай, ты знаешь эту историю, я рассказывал раньше.

– Он чокнутый! – завопил худой. – Он всю жизнь охотится за человеком, которого не существует!

– Теперь ты видишь, как это важно, Джон! – раздался из темноты взволнованный шепот разбойника, лишь еще больше напугавший Жана-Антуана.

Внезапно зажглась спичка, и паб сотрясся от душераздирающего крика испугавшегося Красавчика. Чарли помахал рукой и спичка погасла.

– А теперь рассказывай все, что связано с человеком, который нанял вас!

– Это не он! Это не тот, кого ты ищешь!

– Об этом мне судить! Живо говори!

– Хорошо, хорошо! Я все расскажу! – узловатые руки нашарили длинные носки сапог Чарли, и Красавчик начал обнимать ноги своего мучителя. – Пощади! Я все расскажу!

– Сгинь! Рассказывай лучше.

Судя по звукам, коробка со спичками снова открылась, и Чарли достал еще одну. В надежде на пощаду худой поторопился начать свой рассказ.

– Я возвращался из паба! – истерично проговорил он. – Шел отсюда. Один. Рядом значит это... остановился экипаж. Черный-черный! Ну да, а я смотрю, из окошка высунулась бутылка рома. Ну че, я подошел, и вдруг слышу голос изнутри экипажа. Он сказал, для меня есть дельце, и поманил бутылкой, а потом затянул бутылку обратно. Я залез внутрь. Он, видимо джентльмен, так как сразу же вежливо передал мне бутылку рома и как-то странно молчал, пока я пил. Словно рассматривал меня.

– Как он выглядел? – жестко спросил Чарли, буквально кипящий от нетерпения.

– Не знаю, на его стороне была тень, лица я не разглядел. Ни тогда, ни потом. Поздняя ночь была все же. Декабрь. Ну, так вот, оценив его щедрый дар по достоинству, я смекнул, что наверняка имею дело с состоятельным человеком. Тут я достал свой ножик и сказал, чтобы он отдал свои деньги. Из тени показался ствол пистолета. «Ты можешь попытаться обогнать пулю и стащить у меня несколько шиллингов, – сказал этот человек своим странным спокойным ровным голосом. Такой голос верно мог принадлежать лишь дьяволу! – А можешь поработать на меня, и тебе достанется приличная доля». Не знаю, что меня толкнуло, но я согласился. Я убрал нож, взялся за ром и стал его слушать. Все тот же голос предложил мне ограбить сейф в доме одного богатея из Мэйфэйр и строго запретил убивать этого человека. Он сказал, владелец дома не должен быть убит ни при каких обстоятельствах, это основное условие нашего договора. Человек, которого уговорено было обчистить обязательно должен жить дальше, сознавая, как много он потерял.

Жуткое ощущение облепило душу Жана-Антуана при мысли о том, каким жестоким и одновременно слабым вероятно является человек, нанявший банду Красавчика.

– Обокрасть и оставить мучиться, – вдумчиво произнес Чарли. – Любопытно!

– Весьма странно, – возразил Жан-Антуан.

– Я тоже так подумал, – непонятно с кем из них двоих затравленно согласился Красавчик.

– Как зовут человека из Мэйфэйр, которого вы обокрали?

– Кэмп или как-то так. Не помню точно. Но я могу показать его дом! Только не сжигай меня, Чарли!

– Ладно тебе сопли лить на мои ноги! Давай, рассказывай, что дальше было?

– Он передал мне футляр. В футляре лежал чертеж, очень точно выполненный чей-то рукой. Наниматель сказал, что это план дома намеченной жертвы грабежа. Я долго бы соображал, если бы он не объяснил. Впервые видел такой мудреный план. Крестиком был помечен сейф в стене слева от входа в кабинет. В сейфе было целое состояние, вырученное с продажи недвижимости, которую распродал этот бедняга. Вроде, финансовые дела у него и без нас шли довольно скверно, – с пола донесся пьяный смешок Красавчика. – И целая треть этого добра, согласно условиям моего нанимателя, принадлежала мне и парням, которых я возьму себе в помощники. Он сказал, в ночь того дня, когда я получу красный конверт, я должен буду все проверить, на подготовку у меня не больше двух дней. И предупредил, чтобы я ни в коем случае не вздумал открывать конверт. В нем не будет ни условий, ни полезной мне информации, вроде этот конверт вообще не мне адресован. Этот конверт я должен буду взять с собой на дельце. На Ганновер-сквер после кражи нас будет ждать экипаж, в нем-то мне и нужно будет оставить красный конверт. Так мы и распрощались. Я забрал ром, его экипаж поехал в сторону Хокстона. Позже я смекнул, что джентльмен не спрашивал, где я живу, и поэтому начал уже думать, что дельце не выгорит, но на всякий случай, как он и сказал, серьезно подготовился, как в старые времена у Лихих Малых. А потом случилось что-то странное. Через несколько дней рано утром меня разбудили птицы.

– Птицы? Что за птицы еще?

– Вороны! Я открыл дверь, а на улице все черно от их крыльев. Они сидели и каркали, точно покойника почуяли. А на пороге лежал красный конверт. Значит, кражу нужно было проверить предстоящей ночью. В два часа пополудни мы со старшими братьями Ламминг, Бобби Плакнетом и его рыжим дружкой забрались в дом в Мэйфэире. С сейфами я вообще-то не очень хорошо управляюсь. Раньше у богатеев все было проще! Мы как проклятые провозились с ломиками, разворошили стену, достали этот несчастный сейф. На звуки шума прибежал как курица перепуганный владелец дома, ну Бобби и приложил его чем-то по голове...

– Он выжил? – глухо спросил Жан-Антуан.

– Че? Кто? Бобби?

– Владелец дома?

– А куда он денется! Мы когда выгребали деньжата в мешок, он уже шевелиться начинал. Ну Бобби его снова приложил. А знаешь, че самое смешное, Чарли? Двое его слуг испуганно жались за дверями кабинета. Наложили в штаны и ждали когда мы уйдем. Воняло на весь дом. Во олухи, а!

– Когда ты ходишь на дело, почему-то всегда воняет, Красавчик. Не думаю, что дело в его слугах, – снисходительно проговорил Чарли.

– Ладно, я все понимаю, в тебе говорит обида. Твое право! Мы с моими новыми компаньонами действительно плохо тебя встретили сегодня.

Разбойник чиркнул спичкой о коробку, темную часть зала вновь с шипением осветил подрагивающий огонек.

– погоди, дружище! Я еще не все рассказал! Чарли! – склонившись на коленях и закрывшись блестящими от джина рукавами, запричитал худой.

– Ну так чего тянешь?

– Нет-нет! Уже рассказываю! Уже! Мы это, как собрали все денежки, сразу потопали на Ганновер-сквер. Там нас уже ждал пустой экипаж, как джентльмен и говорил. Мы с ребятами погрузились в экипаж и, согласно плану, отправились на Коммерсиал-роуд. Чтоб этот придурок наниматель не искал нас в дальнейшем, мы решили сразу его порешить и присвоить заработанное себе. Он ждал нас в подворотне как нелюдимый идиот. Прятался в темноте, когда на дворе было четыре часа утра – глубокая ночь. Я поманил его мешком, он махнул своей тростью, чтобы я подошел, но я прикинулся тупым, типа ничего не понимаю и продолжаю

стоять на своем месте. Он вышел из тени, тут-то мои ребята на него и накинулись, но всем четверым отпор этот сукин сын оказал достойный. Все закончилось очень быстро. Раздалось несколько выстрелов. Не знаю, сколько человек уцелело, позже я виделся только с одним Бобби Плакнетом, а вся семейка Ламмингов теперь как-то косо на меня поглядывает. Ну, как я уже сказал, все закончилось быстро. Мои парни лежали на земле, не шевелились. Сукин сын побежал на меня с пистолетом. Чтобы не схлопотать пулю в лоб, мне пришлось бросить мешок с выручкой и уматывать, но он от меня не отстал. Деньги его интересовали не больше, чем моя душа. Он вздумал мне кровь пустить. Иногда мне казалось, что я оторвался от него, потом он снова появлялся. Лишний раз пули он не тратил. Так продолжалось, пока он меня не настиг. Чертовщина какая-то! Я скользнул в один из подвалов, видел, как его ноги пронеслись мимо. Потом вдруг позади меня раздается его голос. Он толкнул меня на землю и потребовал свой красный конверт. Сдался ему этот треклятый конверт! Ну, я тоже не дурак, протянул ему конверт, а сам ногой ему в колено двинул и смылся. Залег на дно в Уайтчепеле, в норе у кузины с ее муженьком пропойцей. Больше я того богатого выродка не видел. Пожалуйста, не убивай меня, Чарли!

– Какая у него кожа? Ты видел швы на лице?

– Эм... ну, может быть...

– Видел или нет?!

– Я не видел, но это не значит, что их не было. Не знаю. Говорю же, мне кажется, это не он, Чарли!

Человек в смятом цилиндре быстро заходил взад вперед, обдумывая услышанное. Остановившись напротив Жана-Антуана, глядя куда-то сквозь него, словно француза и вовсе не было на пути, Чарли с неким благоговением и одновременно ненавистью прошептал, затем кивнул сам себе:

– Это он!

– Кто он? О ком вы говорите? – спросил юноша.

– Джон??? – наконец увидев его, удивленно произнес Чарли.

Позади хлопнула входная дверь. Разбойник рывком повернулся на месте, чиркнув новой спичкой по коробке и выбросив руку над головой. Он увидел в бледном полумраке, что Красавчика нет на полу. Облитый джином его старый друг бросился наутек, очень ловко подметив момент, когда удобнее всего можно выскользнуть на лондонские улицы.

Может быть, Чарли Бродячие Штаны в действительности собирался сжечь заживо этого несчастного Красавчика, а может быть, и нет, но он очень разозлился, подумав, что теперь появился человек, который смог убежать от великого разбойника. И еще хуже, что этот человек знал большое количество из тайн, приобретших немалую ценность с появлением Чарли в Лондоне.

– Ну вот, теперь вся округа узнает, что вы хотели его сжечь. А ведь Сканланы очень большая семья, – вновь заговорив крайне осторожно, предупредил Сэмми, от стойки.

Услышав это, Чарли зло скосил глаза в сторону голоса работника паба. Он вдруг стремительно направился к Сэмми через весь зал и с силой ткнул в него пальцем:

– Еще одно слово, и сейчас опять приключится бытовое недоразумение, холуй!

Глаза Чарли блестели таким безумным блеском, а перекошенный цилиндр настолько угрожающе качался у разбойника на голове, что Сэмми решил больше не вступать и в послушном молчании ушел за метлой, чтобы прибраться.

– А что станет со мной? – спросил Жан-Антуан. – Зайти в паб, я с вами зашел. Кулаком в лицо я уже получил. Смертный страх тоже испытал пару раз. Мне хотелось бы, чтобы вы исполнили свою часть нашей договоренности, и мы тут же распрощались. Вы абсолютно правы, не важно, кто вы, Гай Фокс или Чарли Бродячие Штаны, ваша жизнь полна слишком диких переживаний, которые совершенно не представляются интересными мне.

Казалось, Чарли не слушал юношу. Он ходил вокруг Жана-Антуана, между бессознательно развалившихся на земле преступников и критически рассматривал их тряпье, словно выбирая себе что-нибудь из их вещей.

– В самом деле? Ты хочешь сказать, тебе ничуть не было интересно сегодня? – подал голос разбойник, возвращаясь с котелком здоровяка в руках.

– Разумеется, нет! Один лишь мой разбитый нос лишает сегодняшний день всякого интереса. Понятное дело, каждый мужчина рано или поздно вынужден прибегнуть к грубой силе и вступить в драку, но я вынужден попрощаться с вами. Ваше поведение и отношение ко мне мотивировались куда более меркантильными интересами, нежели желание помочь путешественнику в пути. Дела, которые вы считаете непомерно важными, слишком уж большую угрозу представляют для человеческого здоровья и, в конце концов, для человеческой жизни! И рассказанные вами на пароме истории о разбойных похождениях Чарли Бродячие Штаны (то есть, о ваших собственных похождениях) только подтверждают благоразумность нашего с вами договора, который мы заключили, страшно сказать, на крыше поезда.

Пока юноша говорил, Чарли со стороны примерял на глаз котелок на голову Жана-Антуана. Убедившись, что котелок французу не пойдет, Чарли озадачено покрутился на каблуках, потом увидел высокую шляпу лежащего в стороне от стойки атлета и, подняв ее с пола, так же навскидку примерил ее к голове юноши. Высокая темная шляпа с загнутыми по бокам полями неожиданно привлекла интерес самого Чарли, и он потянулся одной рукой за своим смятым цилиндром. Ощупал его неестественные изгибы с расстроенным видом, снял и, закрыв глаза, водрузил на голову высокую шляпу атлета. Медленно выдохнул и открыл глаза, внимательно прислушиваясь к собственным ощущениям. Новая шляпа, хоть и пахла рыбой, была на десяток лет старше его цилиндра и в нескольких местах насквозь пробита, словно по ней стреляли дробью, но сидела глубже, была удобной и пришлась Чарли по вкусу. Закончив с обновлением своего гардероба, разбойник вернулся к голове Жана-Антуана. Он прищурил один глаз и подставил свой цилиндр на голову юноши, горячо сотрясающего руками и что-то там говорящего о договоре и крыше поезда.

– Простите, а что вы делаете? – увидев манипуляции Чарли, с недоумением поинтересовался Жан-Антуан.

Чарли отбросил в сторону свой смятый цилиндр, убедившись, что Жану-Антуану нужна какая-то исключительная шляпа.

– Подбираю тебе головной убор. Не будешь же ты ходить по Лондону с этим ужасом на голове! – он небрежно махнул в сторону кудрей Жана-Антуана. – Во всяком случае, я с тобой точно не буду так ходить. Тебе нужно найти что-нибудь, чтобы прикрыть это, – он снова махнул в сторону волос юноши.

– Так вот и я о том толкую, мсье Чарли, – вернулся к своему монологу Жан-Антуан. – Согласно уговору, предлагаю разойтись каждый своей дорогой.

– О, я помню о нашем договоре!

– Вот и славно...

– Но, видишь ли, – Чарли, дружески взял Жана-Антуана за плечо и повел к выходу, – сначала нужно найти, куда тебя пристроить. Я бы уже давно оставил тебя в покое, но эти жалкие идиоты не захотели тебя брать. Видел, какую бучу подняли из-за тебя? Как только мы найдем подходящих людей...

Глава 5. Великий разбойник вернулся

– Это очень мило с вашей стороны, мсье, но меня не нужно никуда пристраивать. Я не раб и тем более не выгодное вложение средств. А теперь, скажите, в какую сторону мне идти, чтобы добраться до районов, где я смог бы взять кэб или остановиться в отеле?

– Дай-ка подумать. Так... – его гид развернулся лицом к улице, озадачено шурясь и высматривая нужное направление. Палец выделял в воздухе круги, указывая то в одном направлении, то в противоположном. Неожиданно Чарли замер, затем раздался его голос. – А знаешь, Джон, я рад, что ты решил оставить нос таким, каков он теперь есть. И цвет у него стал такой насыщенный! Глаз радует!

– О нет! Я так и знал, у меня сломан нос!

Чарли повернулся к расстроенному юноше, брезгливо взглянув на его отекавший нос и заплывшие глаза.

– Тебе туда, – бодро сообщил Чарли, махнув рукой в неопределенном направлении.

Но Жан-Антуан даже не заметил слов своего гида. Он всецело обратился в переживания по поводу своего сломанного носа и боли, разливающейся по лицу во все стороны.

– Мне бы еще врача найти. Вы не знаете, случайно, где мне смогут оказать медицинскую помощь.

– Вот совершенно случайно знаю!

– Правда?

– Конечно, я же много лет жил в Лондоне!

– О, я благодарю вас, буду обязан вам, если вы подскажете мне, как туда добраться.

– Так уж и быть, мне придется тебя туда отвести, Джон. Что-то не верится мне, что ты можешь сейчас добраться туда самостоятельно.

Пораздумав какое-то время, француз согласился. Иного выхода не было. Оба зашагали по ночной улице, оставив позади паб Дурнушка Салли.

– Только без ваших фокусов, – предупредил Жан-Антуан.

– Совсем без?

– Да, – твердо произнес юноша.

– Скучотище.

– С которого часа он ведет прием?

– Ты что же, собираешься ждать у него на крыльце до утра? – усмехнулся Чарли. – Думаю, это не входило в планы твоего буро-синего друга.

– Кого?

– Твоего носа.

– Боже мой! – рука Жана-Антуана невольно потянулась к лицу.

– Я бы на твоём месте не трогал его.

– А тот доктор, он специалист в этой области, или...

– Доктор? Да-да! Вроде того. Скажем, у него очень большой опыт.

Уставший с дороги и после бурных потрясений этого вечера, Жан-Антуан был готов довериться своему английскому другу в последний раз, лишь бы прекратилась боль, лишь бы он имел возможность опуститься в мягкое кресло в прогретом помещении, хотя бы на несколько минут. Однако пока они все шли и шли по темным улицам и закоулкам, удаляясь от освещенных кварталов в продуваемую окраину города. Здесь было темнее даже той улочки, где ютился паб Дурнушка Салли. В воздухе пахло ржавчиной и тиной. Дважды они пересекали каналы по небольшим мостам. Страннее всего казалось то, какими длинными были пространства между пересечениями улиц. По сторонам возвышались едва различимые в темноте заборы

и высокие стены. Если здесь и жил некий доктор, то скорее не пользовавшийся популярностью у состоятельных горожан.

Сомнения у Жана-Антуана были самые тревожные. Ему представлялось логичным со стороны разбойника Чарли Бродячие Штаны завести не знающего Лондона француза в совсем уж заброшенное захолустье, чтобы бесчестно и беспрепятственно убить и обокрасть.

Заведя юношу в тень между постройками, Чарли неожиданно остановился, потому что впереди, судя по всему, оказался тупик. Приготовившись биться за жизнь, Жан-Антуан упорно прислушивался к тому, что делает Чарли. Но помимо странных шаркающих звуков, исходивших от разбойника, Жан-Антуан слышал шум приглушенных голосов, раздававшихся непонятно откуда. После нескольких чирков воспламенившаяся спичка осветила лицо разбойника, прерывающееся тенью его новой шляпы.

– Проклятье! Вот же она... – пробормотал себе под нос Чарли, увидев перед собой крепко сколоченную дверь, из-за которой и доносились голоса. – Как им удалось ее перенести?

– Это здесь?

– Так... как же там было? – не обращая внимания на юношу, он продолжал малоразборчивую беседу с самим собой. – Три раза ногой... нет-нет. Аха-ха, если бы так сделал, не унес бы головы! Как же, не помнить-то! Все проще, чем у висельника.

– Мы ведь пришли к доктору?

– Шшшшш!!! – дергано вскинулся Чарли, поднеся спичку к губам. – Да, тут тебя и подлечат. Только не шуми.

Прокашлявшись, будто собирается повелеть двери раствориться, разбойник коротко постучал кулаком в дверь четыре раза, потом через интервалы три раза, и три раза ногой, отбив странный сигнальный ритм. Затем удовлетворенно кивнул и выбросил догоревшую спичку. Голоса за дверью тут же смолкли.

– Вы же сказали, три раза ногой нельзя стучать, – шепотом напомнил встревоженный Жан-Антуан.

– Разве?

Поняв, что произошло нечто страшное, юноша хотел было бежать, потом решил не злить своего гида и прокрался за спину Чарли, испытывая мизерную надежду, что тот сможет отбиться от нападения. Но ничего не происходило. Даже никаких звуков. Зловещая тишина за дверью только сильнее пугала. Если раньше Жан-Антуан опасался, что разбойник завел его в это место чтобы убить и обокрасть, то теперь уже француз был уверен, что убьют и обкрадут их обоих.

Вдруг Чарли заорал во все горло с грозным негодованием:

– Эй, парни! Вы что притухли? Открывайте живее!

Он лупанул ногой по двери.

– Не заставляйте меня отбивать условный стук второй раз!

На его голос глухо отозвалась переполошенная возня за дверью и снова навалилась тишина. Внезапно грохнул тяжелый засов, Жан-Антуан попятился. Колотящийся свет, выплеснувшийся в проулок, выхватил из темноты гордо упиравшую руки в бока фигуру Чарли.

На пороге угрожающе столпились несколько человек грубого вида. Все они, однако, уставились на Чарли сначала с недоумением, потом со страхом. Один из тех, что были позади, быстро перекрестился. У кого-то выпала бутылка из рук. Другой вздрогнул от звука разбившегося стекла, но не сводил глаз с разбойника Бродячие Штаны.

– Чарли? – огорошено вымолвил высокий наголо бритый мужчина с твердым подбородком.

– Уж не призрак ли, братцы! – побледнев и вжавшись в стоявших позади себя, сдавлено отозвался седовласый плотноватый человек, открывший дверь.

– Ну, точно! Преставился. Попрощаться пришел, – услышался третий голос.

Чарли обронил раскатистый смешок.

– Джентльмены, уверяю, я живее чем кажется! И пришел не прощаться, а навестить своих старых добрых друзей, пока проездом в Лондоне.

– Проездом?

– А куда направляешься? – все так же с опаской глядя на призрака, спросил седовласый.

Чарли замычал, потом быстро указал куда-то в сторону:

– Туда!

– Это и вправду он!

– Черт, да!

– Да бросьте, конечно же, я!

– И вроде живой.

– Кто это с ним?

– Кто там за тобой, Чарли?

– Где? – Чарли проворно обернулся и стал подозрительно оглядывать улицу из-за плеча Жана-Антуана.

– Да вот же, прямо перед тобой, с лилово-желтым носом, – кивнул в сторону юноши наголо бритый мужчина с твердым подбородком.

Разбойник вдруг с удивлением вытаращился на столпившихся за дверью друзей и медленно подался вперед.

– Вы все тоже его видите? – недоверчивым шепотом спросил Чарли.

– Конечно!

– Да.

– Хм! А мне казалось, у него буро-синий нос, – пробормотал Чарли.

Он оглянулся на Жана-Антуана, с потрясением оглядывая юношу с головы до ног.

– Так ты что, реальный?

Сразу француз и не нашел, что ответить. От растерянности он только и вымолвил:

– Разумеется, мсье.

Чарли с облегчением выдохнул и посмеялся:

– Ну и слава Богу! А то уж подумал, что я тронулся, – он повернулся к друзьям, указывая через плечо. – Этот малый из самого порта Кале за мной тащится...

– Зачем? – грозно взглянув на француз, спросил мужчина с твердым подбородком.

– ...Но я-то думал, он ненастоящий...

– Это не так! – возразил Жан-Антуан, с тревогой встретив взгляд бритоголового. – Я объясню, на самом деле, мсье Чарли никак не принимал предложения продолжить путешествие поодиночке.

– ...так вот, о каком француз все время говорил Красавчик Сканлан! – наконец понял Чарли.

– Сканлан? Ты виделся с ним? – удивился бритоголовый.

– Да, представляешь, захожу в паб, и он там сидит! Кто бы мог подумать, а! Ладно, парни, налейте выпить мне и моему уставшему с дороги другу. Нам о многом еще предстоит поговорить, а сейчас я хочу выпить со своей бандой!

– Проходи, конечно! – одобрительно воскликнул бритоголовый и потеснил стоявших в дверях мужчин. – Эй, смотрите, кто к нам вернулся! И притом живой! Налейте Чарли и тому второму по кружке бренди.

В проулок выплеснулись радостные возгласы и дикий торжествующий смех Чарли.

Радушный прием, оказанный вернувшемуся разбойнику разительно отличался от того напряженного лицемерия, с каким Чарли был встречен Красавчиком. Жана-Антуана, оставшегося стоять в нерешительности и глядеть с улицы в проем двери на галдящую толпу, неужи-

данно загребла внутрь чья-то сильная рука. Этот же человек закрыл за ним дверь, но вид тяжелого засова не внушал французу чувства безопасности.

– Простите, – Жан-Антуан подошел к этому приземистому широкоплечему мужчине в синем свитере, – Чарли сказал, здесь мне вправят сломанный нос, это так?

– Конечно! Только сначала нужно снять боль, – с сознанием дела отозвался он.

– Как хорошо! Вы доктор?

Тот с ухмылкой посмотрел на француза и, ничего не ответив, ушел к толпе, продвинувшись вглубь помещения. Жан-Антуан какое-то время ждал, что тот вернется, потом решил, что этого не произойдет и осмотрел большую комнату, в которой все находились.

Это место напоминало пустой склад, но никак не чье-то жилище. Возле стен, вымощенных то темной кирпичной кладкой, то заделанных известью, лежали мешки и бочки; сколоченная, словно из сподручных средств, лестница справа от входа вела на второй этаж, который просвечивался сквозь дюймовые щели в потолке. Большие квадратные окна, некоторые из стекол которых были разбиты и завешаны тряпьем, шли по дальней восточной стене, и еще пара узеньких запыленных окошек тускло мерцали в свете огня напротив входа. В центре комнаты среди столбов, поддерживающих второй этаж, располагался длинный заставленный подсвечниками, едой и бутылками стол и разнообразные стулья вокруг. Несколько человек сидели на ящиках. Подальше от стола в хаотичном порядке расставлена ужасного вида мягкая мебель.

Приветственно похлопывая Чарли по плечу, обитатели этой пыльной дыры проводили его к столу, налили бренди в гнутую жестяную кружку и начали рассаживаться вокруг стола, а кто прямо на стол. Всего здесь было человек восемь. Опустошив кружку, Чарли вытер рукавом подбородок и потянулся за большим чайником, в котором и содержалось бренди.

– Ну как оно, Джон? Полегчало? А где Джон? – с чайником в руке разбойник завертелся, высматривая Жана-Антуана.

Бритоголовый, оставшийся стоять в стороне, опираясь на деревянную балку плечом, взглянул на юношу, потом с неприязнью произнес:

– Так значит, Джоном зовут твоего друга.

– Вообще-то я Жан-Антуан Ревельер, – подойдя ближе, сказал он.

– Он не может определиться с именем. Что делать, он француз, – пояснил Чарли, будто это все объясняет, и залпом выпил вторую порцию бренди.

Хором над столом прокатилось несколько смешков. Седовласый, похотывая, протянул Жану-Антуану кружку:

– Садись с нами, Джон. Выпей, поешь, все за счет заведения.

– Какого заведения? – принимая кружку, спросил юноша.

Тут все снова захохотали, глядя на Жана-Антуана, из-за чего он начинал чувствовать себя так же неудобно, как в пабе Дурнушка Салли.

– Что он сказал, не пойму? – переспросил Чарли. – У него ужасный английский!

– Да спрашивает, что у нас за заведение, – склонившись от смеха над столом, отозвался рыжеволосый человек с веснушчатым лицом.

Седовласый приободряюще похлопал Жана-Антуана по плечу.

– Не обращай внимания, на манеры этих джентльменов, они славные малые.

– Кстати, забыл вас представить! – воскликнул Чарли. – Джон, у нас тут что-то вроде уличного братства...

– Типа банды, – ввернул седовласый. – Но сейчас мы честные люди.

– ...братец Красавчика давным-давно был кем-то вроде главаря, – продолжил Чарли. – А кто у вас теперь главный, парни?

Все головы повернулись на бритоголового. При этом на его старом морщинистом лице проступила смущенная улыбка, из-за чего подбородок стал еще больше. Чарли нахмурил

брови, внимательно разглядывая нового главаря. Похоже, веселье на мгновение ушло из его блестящих черных глаз.

– Ну, так вот! – громко заговорил Чарли, вновь обращаясь к Жану-Антуану. – Там с куском мяса на ноже, крепьш в синем свитере, это Десять Кулаков.

Человек, который втащил Жана-Антуана в дом, лениво улыбнулся и качнул ножом.

– На столе сидит Щенок, – представил Чарли. – Вымахал-то как! А помню совсем шкетом!

Странноватый тощий паренек, ровесник Жана-Антуана, чесал в этот момент редкие клочки пегой бороды. Брови росли такими же редкими клочками, а грязные волосы облизывали длинное лицо с острым носом и шрамами продолжающими линию рта. Когда он приветственно улыбнулся, уголки губ завернулись кверху, что сделало Щенка еще больше похожим на собаку.

– Штаны поправляет Рыжий, – Чарли указал на человека с веснушками. – А там, тот здоровый мужик в стороне, это Капитан – нынешний глава компании.

Бритоголовый едва заметно кивнул Жану-Антуану.

– Худого черноволосого высоченного человека звать Начальник, но мы зовем его Крыса, реже Оглобля, а он сам считает себя внебрачным наследником лорда Байрона.

– Начальник это ироничное имя, – шепнул Жану-Антуану седовласый. – Когда Крыса говорит, его никто никогда не слушает и не считается с его мнением, поэтому в шутку про него говорят Начальник.

– А упитанный импозантный старик рядом с тобой...

– Погодите, мсье Чарли, я кажется сам догадываюсь! Вы – Бочка? – предположил Жан-Антуан, глядя на седовласого. Но судя по застывшему и не слишком довольному лицу мужчины, француз не угадал. Тогда Жан-Антуан предпринял еще одну попытку. – Медведь?

– Питер Тид, – хмуро представился седовласый и протянул мозолистую руку.

Увидев изумленное лицо Жана-Антуана все, кроме обиженного Питера Тида покатались со смеху.

Чарли начал высматривать поверх голов еще кого-то и наткнулся взглядом на двух человек, сидевших на ящиках и игравших в карты.

– А там в тени... – он указал на них пальцем и замялся, пытаясь вспомнить, как их зовут и кто они вообще такие. – Просто два парня.

– Ты их не знаешь, Чарли, – сказал Капитан. – Они весь последний год работали с нами и недавно мы взяли их в банду. Смышленные парни, знают, когда говорить, а когда молчать.

– Вот оно как? Молчуны? Подлянку, значит, втихую планируют против всех, угу, – заключил Чарли и утвердительно кивнул самому себе.

Не одобряя прозвучавший вывод, два парня тут же угрожающе поднялись с ящиков, чтобы выяснить отношения с Чарли и восстановить свои добрые имена. Потянувшийся за чайником с бренди Чарли этого даже не заметил. А они между тем двинулись в его сторону.

– Тише там, на галерке! – рявкнул им Капитан, напугав Жана-Антуана. – Или на собственные похороны посмотреть припекло? Чарли вас в землю вкатает, не выпуская кружки.

Стол разразился одобрительными возгласами и ехидными смешками в адрес двух парней. Опрокинув очередную порцию бренди, Чарли рассеянно глянул на бритоголового.

– А? Что? Что там про кружку?

Помявшись, два парня недовольно вернулись к своим картам.

– Эмигранты! – презрительно буркнул Питер Тид. – Родом откуда-то из восточной Европы, черт их знает, откуда!

– Ну а Джона-то все уже знают, – закончил Чарли, указывая на Жана-Антуана.

– Я Жан-Антуан...

– Опять не пойму, что он бормочет.

Поозиравшись еще немного, Чарли с недоумением посмотрел на своих друзей:

– Парни! А Здоровяка тут нет? Куда он подевался?

Наступило мрачное молчание. Разбойник безмятежно таращился на мужчин еще минуты две, потом сам начал понимать причину такой зловещей тишины.

– Через пару лет после того, как мы узнали, что ты уехал из Англии, Здоровяк начал кашлять кровью, – приглушенно начал Десять Кулаков. – Мы сразу поняли, что это дурное предзнаменование. Так оно и было. Он помер.

Внезапно блестящие черные глаза наполнились почти что детской грустью и глубочайшим сожалением. Чарли медленно опустил голову и вздохнул.

– От чахотки? – спросил он.

– Нет вроде. Он кашлял так еще два года, потом какой-то козел его застрелил. Судьба, что называется.

Жан-Антуан вскинул глаза на Десять Кулаков. Большой нелепицы он в жизни не слышал, но все присутствующие мрачно покивали. Какое-то время все молчали, потом Чарли разразился торжественным возгласом:

– Так выпьем за его дух, пусть он обретет покой и вечную жизнь!

Вместе с одобрительным галдежом в воздух поднялись кружки.

– Не чокаясь парни, – напомнил Десять Кулаков.

Все опустошили кружки и в горестном молчании уставились куда-то в пустоту.

– Чего ты не пьешь? – спросил Питер Тид, вопросительно пихнув юношу локтем.

Жан-Антуан посмотрел на свою кружку с бренди, потом безнадежно зачерпнул воздух ртом.

– Из-за сломанного носа. Как-то не очень приятно пить.

– Да ты не волнуйся, это пройдет! Знаешь каких ран я повидал? Однажды, когда мне было лет десять, за мной и моими братьями погналась огромная собака. В нее как черт вселился. Отхватила моему братцу кусок руки от локтя до кисти. Кровищи было! Но ничего, выжил.

– А я еще слышал про Уилли Пол-лица, – пробубнил Жан-Антуан.

– Про кого?

– Эм... мне Чарли рассказывал про своего приятеля, у него снесло половину лица, когда его сбросили с поезда на полном ходу. С тех пор с ним никто не изъявляет желания обедать за одним столом. Зрелище должно быть то еще!

– Не слышал о таком.

Жан-Антуан глянул на бренди и решил забыться перед предстоящей вправкой носа.

– Ладно, – он опрокинул кружку, жидкость обожгла и на несколько секунд перекрыла дыхание. Глотки больно отозвались где-то в носу. – А кто из вас доктор?

Питер Тид хотел было потянуться за куском булки, потом удивленно уставился на Жана-Антуана и усмехнулся:

– Так он не сказал?

– Так у вас нет доктора, – расстроился юноша. – Он снова обманул.

– Не переживай, наоборот! Просто это чертовски смешно!

– Простите, а что именно?

Тид снова посмеялся и ничего не ответил. В это время стол вместе со всеми стоявшими на нем яствами сотрясся от громкого удара – Чарли со зловещим хохотом запрыгнул на стол, оглядывая всех присутствующих с горящим безумством в глазах. Это Шенок попросил рассказать о том, где Чарли побывал и что делал все эти восемь лет. Новая шляпа разбойника носилась вместе с его головой в нескольких дюймах под потолком.

– Где только я ни был! И чего только ни видел! – высокопарно возопил Чарли. Он снял свое пальто и в запале бросил на стул. – Все слухи ходившие обо мне с тех пор, как я уехал – чистойшей правдой!

– Ну, слухов-то было не много, – пожимая плечами, с сожалением сказал Щенок. – Потому-то нам и интересно, чтобы рассказал все ты.

– Правда? – изумился Чарли. – Не много? Это потому что всех, кто мог бы болтать, я безжалостно убивал!

Крыса засмеялся, но никто его не поддержал.

– Правда, что ты все дела проворачивал в одиночку? – спросил Десять Кулаков, энергично жуя и отрывая подгорелое крыло курицы.

– Да! По натуре я одиночка, для вас это не станет сюрпризом. А иногда я пользовался доверчивостью богачей, и они совершали преступления для меня, сами того не зная, после чего их отправляли на виселицу.

– И ты смотрел из толпы? – с ужасом и восхищением спросил Щенок.

– На что?

– На их казнь.

– А, ну... эм-м-м... конечно! Как же еще!

– А почему ты с нами не остался? – единственный оставшийся не впечатленным рассказами Чарли, с непониманием спросил Капитан, после чего все смолкли. Он подошел к столу, твердо глядя на Чарли. – После того, как ты обчистил запасник Тома Сканлана и вернул нам проценты, которые мы отдавали Тому, началось самое интересное. Он хотел погнаться за тобой, чтобы мы нашли и проучили тебя за твою выходку, но никто кроме Красавчика и Кирпича Бэчвуда не согласился. Том очень разозлился на нас, а ты знаешь его садистские наклонности. Он собирался было устроить бойню, и у него бы это вышло, но оказалось, что ты упер и все его оружие в придачу. Поэтому Том получил в глаз от меня и Десяти Кулаков, да бросился наутек вслед за своим братком Красавчиком. Кирпич Бэчвуд мылился стать новым главарем, пытался давить на нас, часто дрался со мной, со Здравяком, перепадало и малолетке Щенку. Мальчуган все ждал, что ты вернешься, но ты так и не возвращался.

Чарли слушал Капитана так, словно тот несет полный бред, но на Щенка взглянул не без жалости.

– Да ладно тебе, Капитан! Не грузи ты Чарли, он только приехал, – вмешался Питер Тид.

– Вскоре всем надоело постоянно цапаться с Бэчвудом, – не обращая внимания на Тида, продолжил Капитан. – Мы связали Кирпича пока он спал и бросили в Пеннифилдс. Фактически отдали его дальнейшую судьбу в руки семьи Бао Хо, которые только и мечтали что пустить гаденышу кровь. Мы уж думали, китайцы его прикончили, да только потом услышали, якобы Кирпич заделался рыбаком где-то в графстве Хамберсайд. Может от китайцев он и спасся, но к нам возвращаться побоялся. Мы зажили спокойно, без конфликтов и жестоких мер, к каким питал страсть ублюдок Том Сканлан. Правда есть подозрения, что это Бэчвуд в отместку прикончил Здравяка, но не все с этим согласны. Зато, у меня множество вопросов к тебе, Чарли, в том числе, почему ты уехал и зачем вернулся?

– Только не ясно, а ко мне-то какие претензии? – со стола возмутился Чарли. – Если бы я не обчистил Тома Сканлана, вы до сих пор жили бы по его указке. К тому же, я мог все забрать себе, но по дружбе я каждому из вас поровну оставил больше половины всего, чем разжился у Сканлана в запаснике. Тебе Кэп, вообще нечего жаловаться, ты стал главарем. А почему я уехал, долго думать не нужно. Вы знаете, каковы мои цели, и я всегда преследовал в первую очередь их. Долгие годы ушли на поиски того, кого я ищу. Теперь же все пути мира привели меня сюда, обратно в Англию!

– Если бы ты остался, мы, может быть, выбрали бы главным тебя, – воодушевленно сказал Щенок, будто веря, что раз уж Чарли вернулся, можно будет провести новое голосование.

Капитан на этих словах сделался еще более угрюмым, чем обычно.

– Еще чего не хватало! – посмеялся Чарли. – Если кого и нужно было выбирать главным, так это Питера! У него единственного из нас есть мозги.

От неожиданности Питер Тид с одобрительным воплем подскочил, расплескивая во все стороны свой бренди.

– Я согласен! – сияя, крикнул он.

– Вот! Знал, что тебе понравится, – радостно отозвался Чарли. – Кто за?

Щенок вскинул руку.

– Не будем мы выбирать нового главного! – поспешил вмешаться взволнованный своим шатким положением Капитан. Заслышав его раздраженный голос, два парня отвлеклись от игры в карты и теперь как стервятники наблюдали за Капитаном и разбойником. – Да Бог с тобой, Чарли! Не хочешь рассказывать, чего приперся к нам вот так вдруг восемь лет спустя, и не рассказывай! Только вот, что я сразу тебе скажу, братец: не рассчитывай на нашу помощь, если ты опять что-то задумал. Слишком много лет прошло. Да и мы теперь честные люди.

Наступила тишина. Все еще стоящий с кружкой в руке в готовности стать лидером, Тид сосредоточено переводил глаза с Чарли на Капитана, на проголосовавшего за него Щенка и обратно. Чарли взирал на бритоголового с высоты стола словно пытаясь уловить смысл его слов. Потом глянул на Жана-Антуана:

– Что-то я не пойму, что он говорит? – спросил Чарли француза, показывая на Капитана.

– Нет-нет, мсье, пожалуйста, не впутывайте меня в эти запутанные дебаты.

– А он что говорит? – не поняв последнего слова, спросил Чарли Щенка, показывая на Жана-Антуана.

– Не обращай внимания, Чарли, – поднялся Десять Кулаков, дожевывая и вода языком за щеками. – Мы очень рады тебя видеть. Скажу за себя, я-то точно рад! И парни, думаю, тоже. Я прав? – сидящие за столом покивали, и Десять Кулаков продолжил: – Капитан хочет сказать, мы думали, что ты уже не вернешься. К тому же, за эти годы у нас много что произошло. А теперь ты появляешься на пороге, и каждый из нас понимает, что это что-то значит! И как всегда что-то большое и серьезное.

Чарли слушал его через плечо, не глядя, а когда тот договорил, блестящие черные глаза с серьезным видом воззрились на мужчину в синем свитере. Разбойник медленно развернулся к Дести Кулакам.

– Не думайте, я не задержусь в Лондоне надолго. От вас мне ничего не нужно. И хотя я мог бы считать каждого из присутствующих своим должником, я твердо заявляю: я пришел сюда не для того чтобы требовать. Я пришел, потому что хотел предложить, – Чарли зашагал по столу в сторону Десяти Кулаков, внимательно приглядываясь к нему. – Это не ящик рома ли там за тобой?

– Он самый!

– Кидай сюда бутылочку, а то что-то лица вокруг начали трезветь! Да и потом, моему французскому другу нужно напиться.

– Умеешь ты вести разговоры, – одобрительно захохотал Питер Тид и повернулся к Жану-Антуану. – Сейчас тебе точно полегчает, парень!

Бросив разбойнику темно-зеленую бутылку, Десять Кулаков приободрился и даже начал что-то напевать, доставая еще пару таких же.

– Так что ты хочешь предложить? – деланно без интереса спросил Капитан.

– Хотел. Хотел предложить. Одно денежное дельце. Средств до конца жизни хватило бы. Да только это не актуально. Вы же теперь честные люди, как я понимаю, – отмахнулся Чарли, усаживаясь на стол свесив ноги и открывая бутылку. – А по чьей вине отбились от дел?

Он рассеяно обвел всех вопросительным взглядом и стал пить ром из горла.

– Ну ладно! Не такие уж и честные мы люди, – нехотя признал бритоголовый и закатил глаза, когда вслед за его словами раздался ехидный смешок Чарли.

– А то я не знал этого! Живете всем скопом в той же лачуге, да продолжаете обкрадывать торговые суда. Будь вы честными людьми, разъехали бы уже подальше из этой дыры.

Вскоре после того, как бутылки рома обошли круг сидящих за столом несколько раз кряду, разговоры о делах забылись, Рыжий заиграл бодрую и не совсем складную мелодию на скрипке, изрядно захмелевший Жан-Антуан уже минут десять пытался справиться с приступом смеха; остальные члены уличного братства подняли прежний галдеж, какой доносился из-за двери в проулке, а Чарли, сидя в обнимку с Капитаном на столе, зловещим голосом рассказывал всем историю о том, как он украл шкатулку с византийским камнем, привезенную для королевы из восточной Европы.

– Но эти хитрецы задумали все весьма недурно! – со злой ухмылкой признал Чарли в приглушенном свете догорающих свечей и всего пары светильников на стене. – Из графства Кент, полицейский экипаж со шкатулкой отправился не в Лондон, а в графство Суррей, где экипажей стало уже два! Да-да, вы не ослышались. Для того чтобы никто не смог отследить шкатулку, в каждый из экипажей занесли по ящику из черного дерева, и экипажи разъехались каждый своей дорогой. Первый, что тронулся из самого графства Кент, уже без ценного груза продолжил путь из Суррея в Беркшир. Второй, запряженный конями другого цвета, выехал в направлении Лондона. На полпути все и случилось! – Чарли вскочил на ноги и, размахивая бутылкой на радость Щенку, начал сражаться с полицейскими из своего рассказа. – Перепрыгнув со своего коня, быстрее из всех скакунов, каких знал свет, я выпустил кишки сначала тому охраннику, который стоял на подножке сзади, перебрался через крышу и перерезал глотку второму полицейскому и кучеру, затем взял управление экипажем на себя пока привязывал поводья к ручке сиденья. Но внутри экипажа кто-то сидел, и возможно не один. Надеяться на то, что они не услышали меня, было слишком дорогим удовольствием. Взяв пистолеты я впрыгнул в окно экипажа, застав врасплох настороженных полицейских – последних двух. Только они потянулись за оружием, как я пустил обоим по пуле в самое сердце.

– Говорят, экипаж пришел ко двору поздней ночью и привел за собой скверную погоду, – суеверно поежившись, сказал Тид. – А правда, что внутри никого не было и лошадьми никто не управлял?

Чарли Бродячие Штаны остановился и уставился на Питера острым немигающим взглядом.

– Правда.

– Что же ты сделал с несчастными телами полицейских? – спросил Тид.

– Съел.

Мелодия скрипки прервалась. Во все глаза присутствующие уставились на Чарли. Один Жан-Антуан похихикивал себе в ладонь и при всей сосредоточенности, тем не менее, не особенно-то следил за разговором.

– А в ящике, что стоял на полу, лежала моя награда. Открыв, шкатулку я увидел камень. Давнишний кусок песчаного кирпича. Увидав такой, вы бы прошли мимо, но от него исходило неосязаемое тепло и невидимый свет. Благодарь! Если какой кусок камня и мог бы врачевать любые раны, то это был он! Страшно подумать, для каких бездушных целей шкатулка с чудо камнем могла понадобиться этому извергу, – грозно завершил историю о самом себе Чарли.

Два парня задумчиво смотрели на разбойника из темноты. Питер Тид выхватил из рук Капитана бутылку рома и поспешно сделал несколько глотков.

– Так и для чего тебе этот камень-то? – спросил Крыса.

– Это вообще полезная вещь, не так ли? Особенно в нашем деле, – Чарли спустился со стола и начал рыться в пальто, висящем на стуле.

– Ну ты, я смотрю, пошел гораздо дальше нашего дела, – заметил Десять Кулаков.

– А камень он где сейчас? – спросил Щенок.

– В данный момент у меня его нет, – выложив бумажный сверток на стол, Чарли достал из штанов украшенную тонкими ветвями серебряной лозы трубку, насыпал в нее полторы

шепотки сухих красновато-черных листьев и фиолетовых стебельков из бумажного свертка, утрамбовал и запалил спичкой.

– А я слышал другое, – пораздумав немного, недоверчиво произнес Капитан. – С год назад знал я одного парня родом из Кентербери, который хвалился, что видел тебя и даже проворачивал вместе с тобой одно крутое дельце.

– Неужели? – с сарказмом пробормотал Чарли.

– По его словам, вы и вправду преследовали охраняемый экипаж, из самого графства Кент до Суррея, потом стали преследовать второй экипаж, направившийся в сторону Лондона. Только вот он говорит, когда вы догнали и остановили экипаж, внутри никакой шкатулки не оказалось вовсе. И вам пришлось уносить ноги от приходящих в сознание полицейских, после чего вы заблудились и еще неделю голодные ходили по лесам и полям.

Все посмотрели на смущенно хихикнувшего Чарли. Увидев сомнения и раздумья на их лицах, Чарли суетливо поднялся на стол, пыхтя и зажимая зубами дымящую трубку, и быстро объявил всем:

– Разумеется это все придумки какого-то фантазера! Эм... я в самом деле не слышал выдумки нелепее и смешнее, – отмахнувшись как от чего-то несущественного прибавил он, но убедительным его голос не показался даже ему самому. – А что это у вас там?

Почувствовав себя еще более неловко, Чарли поспешно прыгнул со стола и убежал в темноту рассматривать и копаться в бочках и мешках, наваленных под кирпичной стеной.

– Я слышал эту историю, – неожиданно подал голос Жан-Антуан.

– Какую, первую или вторую? – спросил Питер Тид.

Француз сдвинул брови и задумался над вопросом, потом прыснул и сквозь смех удивился:

– Их было две?

Тид засмеялся и похлопал пьяного юношу по спине, словно они были закадычные друзья.

– Нравится мне этот парень! – одобрительно крикнул Тид. – Только пьянеет быстро.

– А знаете, о чем я подумываю? – с глубокомысленным видом спросил Жан-Антуан, неустойчиво облокотившись на стол и подперев голову своим тонким кулаком. – Мне кажется, мсье Чарли что-то задумал и хочет выставить меня виновником в глазах общественности. Чтобы, как и тех других простецов, меня повесили, а он вышел сухим из воды.

Все тут же покатались со смеху. Крыса подавился ромом и выпустил изо рта фонтан, обрызгав Десять Кулаков, после чего схлопотал по голове.

– Почему ты так думаешь? – удивился Питер Тид.

– А на что я еще сгожусь преступнику?

Новый взрыв хохота хором раздался в комнате. Щенок корчился на столе, хватаясь за живот, и смеялся до слез.

– Это хорошая идея! – признал Капитан.

– Мы вообще-то думали, вы друзья? – сказал Тид.

– О-о-о! Это было бы намного лучше, – серьезно кивнув, согласился Жан-Антуан.

– Джентльмены, давайте выпьем за парня! Похоже кто-то хорошенько поработал над его портретом, – поднялся Десять Кулаков, указывая на лицо француза с заплывшими из-за сломанного носа глазами и расплывающимся синяком по центру.

Одобрительно крикнув, каждый выпил у кого что было.

– Кстати, Джона не мешало бы подлечить, – заметил Тид.

– Обязан вам сообщить, мне нравится ход ваших мыслей! – с деловым настроением проговорил Жан-Антуан. – Я давно уже об этом говорю, и хорошо, что вы тоже обратили на мой нос внимание... как это у вас говорят – мистер Тид.

Английское слово позабавило Жана-Антуана.

– Мистер, – весело повторил Питер Тид.

– Да, правильно, мистер.

– Джон прямо как попугай, его можно учить словам, – злобно посмеявшись с француза, хмыкнул Капитан.

– Довожу до вашего сведенья, что я образован и начитан, посему... может статья так, что словам учить мог бы я сам, и притом не хуже вас, мистеры. А где врач? Кто из вас врач, мне кажется, я так пьян, что мне можно было бы вправить не только нос, но и безболезненно провести анатомическое вскрытие в ознакомительных целях. Какая чудная новая шутка!

Питер Тид поднялся со стула и огляделся.

– Чарли! Парень готов. Иди сюда.

– Зачем вы зовете мсье Чарли? Мне нужен врач.

Жан-Антуан медленно встал из-за стола, придерживаясь за спинку стула. Откуда-то из-за его спины появился Чарли и принялся изучающе рассматривать юношу:

– На что жалуетесь?

– Погодите, мсье Чарли... вы сказали, здесь мне поправят нос.

– Все верно. Питер, держи его.

– Что? Нет, мне нужен настоящий доктор! – Жан-Антуан начал водить глазами по помещению в поисках какого-то доктора, который, по его мнению должен был сейчас войти в комнату и быстрым легким движением вернуть изуродованному носу юноши прежний вид.

В это время его за плечи схватил Питер Тид:

– Спокойно, парень, ты не первый, кому Чарли что-нибудь вправляет.

– Никто еще не жаловался, – подал голос Щенок, улыбнувшись, и снова шрамы в уголках его рта неестественно высоко завернули его улыбку кверху.

– Но вы сказали, здесь будет доктор! – истошно вскричал Жан-Антуан, чей страх перед предстоящей процедурой лишь усиливался опьянением.

– Само собой, глупый Джон, – посмеялся Чарли, закатывая рукава, – кто бы тебе здесь исправил нос, если бы я сюда не пришел?

– То есть вы снова меня обманули!

– Просто ты не очень хорошо понимаешь по-английски. Не вырывайся, Джон, а то хуже будет, – Чарли потянулся к лицу Жана-Антуана, все вокруг с любопытством наблюдали за юношей, отчаянно вырывающимся и гневно посыпающим проклятьями. А руки Питера Тида крепче стиснули плечи француза.

Неожиданно Чарли схватился за лицо Жана-Антуана левой рукой, а правой взял отекший нос юноши и сделал быстрое движение, вслед за которым последовал отчетливый хруст, заставивший всех присутствующих поморщиться. Юноша перестал вырываться и замолчал.

– Отпускай, – бодро скомандовал Чарли Питеру Тиду.

Седовласый разжал пальцы и выпустил покачнувшегося француза. Жан-Антуан начал клониться и, без чувств запрокинув голову, ничком повалился на пол, на то место, где только что стоял вовремя отступивший в сторону Чарли. Щенок и Крыса тут же вскочили, выглядывая из-за края стола, чтобы разглядеть упавшего. Чарли и Питер Тид какое-то время приглядывались к бездвижно лежащему у них в ногах Жану-Антуану, потом обменялись тревожными взглядами.

Чарли покачал головой и протянул:

– Да... не нужно было ему сейчас падать на лицо.

Глава 6. Бабочки в сахаре

В холодном сумраке где-то в стороне шелестел шепот двух людей. Один приглушенно звал другого, второй бормотал что-то несвязное, во сне отзываясь таким же шепотом. Следом раздался достаточно громкий хлопок, и второй с непониманием начал спрашивать, что случилось. Тут же настала тишина, прерываемая хором храпа остальных.

– Ключики еще у тебя? – едва слышно прошелестел голос.

– Господи! Призрак! – просипел второй.

– Тише! Тихо ты! – сквозь суетливые звуки быстрой возни зашептал первый. – Нет-нет, я вчера вернулся, вспоминай.

Задыхаясь, второй начал что-то мычать и первый его отпустил.

– И точно! Облегчение-то какое! А я уж подумал, чертовщина какая-то.

– Поднимайся, нужно кое-что сделать.

Жан-Антуан с трудом продрал глаза и уставился в пронизанный щелями серый потолок, прислушиваясь к разговору.

– Сколько сейчас часов?

– Уже светло. Где ты хранишь ключи от тайника?

– Тайника?

Жан-Антуан чуть повернул голову, выглянул из-за ноги Рыжего, который спал рядом на мешках. Склонившись в задымленном зеленоватом утреннем свете мутных окон, Чарли стоял над Питером Тидом, сонно потирающим лицо. Стол был сдвинут в сторону, а ободраный ветхий гостевой диван Тида стоял почти в самом центре комнаты. Зеленоватый свет подчеркивался и в тени, где годами отсыревающие стены были покрыты плесенью. Морозный сквозняк трепал тряпье, которым были завешаны разбитые стекла. В носу юноши пульсировала боль, а под кожей вокруг носа роились и чесались сотни крупниц спадающего отека.

– Да, мой тайник. Ты еще кому-нибудь о нем говорил?

– Нет, точно, нет.

– А ключи от него где?

– Так это, в самом тайнике.

– Ах ты старый лис! Я бы до такого сам не додумался, – восхищенно признал Чарли. – Но как мы откроем тайник, если ключи в самом тайнике?

– Откроем, – добродушно заверил седовласый и начал моститься, чтобы лечь на другой бок, – потом покажу как.

– Пойдем сейчас.

– Сейчас? А завтрак как же, Чарли?

Неожиданно кто-то издал громкий храп и заворочался. Седовласый притих, оглядывая комнату. Не увидев затаившегося Жана-Антуана, они с Чарли решили, что никто не проснулся, но Чарли теперь грозно буравил Тида взглядом.

– Ладно, сейчас так сейчас. Пойдем.

Питер Тид отдуваясь, поднялся, свесил ноги и стал натягивать пиджак, которым укрывался как пледом.

Осторожно перебираясь через валяющиеся на полу бутылки и грязное тряпье, эти двое старались не разбудить остальных. Жан-Антуан проследил за ними глазами.

– Давно ты в последний раз проверял тайник? – оглянувшись, почти одними губами спросил Чарли.

– С полгода назад, весной еще. Я не часто туда навещался. Чтобы ни у кого не появилось лишних вопросов. Но в тот раз все было на своих местах. Давай когда выйдем, поговорим.

– Стой! Ты слышал? – насторожился Чарли.

- Нет.
- Как будто мышь пробежала.
- У нас здесь и были мыши. Всегда.

Переговариваясь шепотом, они убрали засов и, медленно отворив поскрипывающую дверь, вышли на улицу. Бледная белая полоса света на полу начала сужаться. Дверь скрипнула и захлопнулась. Никто из спящих даже не шевельнулся. Жан-Антуан все гадал, о чем бы это они могли говорить, потом допустил мысль, что эти тайны могут быть направлены против него и сел, опираясь на уставшие руки. Подумав недолго, он решил проследить за подозрительно ушедшими разбойником и Питером Тидом. Пока он сполз с мешка, Капитан несколько раз ворочался, лежа головой на столе. На секунду юноше показалось даже, что тот проснулся, но потом, не теряя больше времени, Жан-Антуан поспешил выйти и от скрипевших под ногами осколков разбитой бутылки только припустил ходу.

Когда за ним захлопнулась дверь, он с облегчением выдохнул. Сумеречная утренняя улица была припорошена редким снегом и задымлена туманом. Мокрые кирпичные стены проулка тускло блестели. Издалека эхом доносились голоса. Беззаботный голос Чарли француз узнал сразу. Он пошел тем же путем, каким они пришли сюда вчера ночью. За заборами слышались звуки работ в доках. Вскоре из тумана показалась фигура в высокой шляпе и расстегнутом пальто, подбитом овечьим мехом. Двое мужчин впереди шли и разговаривали, не подозревая о том, что за ними следит Жан-Антуан. Они миновали мост через канал, ведущий в южный док, вскоре мост через канал в доки импорта и экспорта. Справа в промозглой сырости тумана плескались волны на Лаймхаус Рич. Места были до того непривычные и дикие для Жана-Антуана, что он с замиранием сердца оглядывал все вокруг. На удивление неприятная картина предстала глазам француза: прямо на земле, съежившись от холода, вскрикивая и скуля, в беспокойном сне метался пьянчуга, чье лицо было покрыто странными грязно-желтыми пятнами.

– Так ты для этого приехал? Чтобы забрать свои сокровища из тайника? – послышался голос из тумана.

Не увидев впереди идущих фигур, Жан-Антуан понял, что отстал и прибавил шаг.

- Я бы не назвал это сокровищами, Питер. Скорее, коллекция.
- Ну да, точно, больше подходит.
- Все я забирать не буду. Возьму только необходимое.
- Значит, мне нужно будет приглядывать за тайником и дальше?
- Разумеется! Хотя это и не обязательно.
- Хорошо, – неуверенно отозвался Тид.

Доки Уэст Индиа остались позади, Чарли и Питер Тид свернули влево на запад и зашагали по Коммерциал роуд. Здесь начиналась бурная повседневная суета восточного Лондона, просыпающегося раньше остальных районов. Часто встречались уставшие угрюмые лица, заштопанные одежды некоторых прохожих повергали Жана-Антуана в ужас и непонимание. Он далеко не до конца осознал, что причиной всего здесь была беднота. Люди шли на работу, кто-то работал прямо на улице, раскладывая товар, другие отпирали двери крохотных магазинчиков, болезненный кашляющий старик на Уитни стрит вместе с сыном нес огромный ящик в сторону Кейбл стрит. Среди кишашего люда заношенный пыльный пиджак Питера Тида, мелькавший впереди, больше не казался чем-то диким и выходящим из ряда вон.

Чтобы не потерять преследуемых, Жан-Антуан решил увеличить шаг и сократить расстояние. Вскоре он уже осторожно шагал следом за Чарли и Тидом на расстоянии нескольких шагов.

– А что стало с названием банды после того, как Том Сканлан был смещен с должности главаря? – поинтересовался Чарли, не без потехи вспомнив о старшем брате Красавчика. – Мне оно так нравилось.

– Ничего. Сначала мы хотели изменить название, пару лет не закрывали этот вопрос, но ничего красивее не придумали. Был всего один вариант, но он никому не нравился.

– Какой вариант?

Питер Тид шел, будто бы и не услышав вопрос, потом махнул рукой, придвинулся ближе и что-то тихо сказал Чарли.

– Чем плох этот вариант? – удивился Чарли. – По мне, так Парни Капитана весьма недурно звучит!

Тид тут же запротестовал и вновь что-то тихо проговорил, придвинувшись, чтобы никто не слышал.

– Ах вот как, – понимающе кивнул разбойник, – ну раз все понимали только в этом смысле, тогда конечно. А кто придумал этот бред?

– Да Крыса, чтоб его! Кто ж еще!

– Значит, так и остались Лихие Малые?

– Ну да, вроде того.

– Правильно сделали!

Такой далекой пешей прогулки по городу Жан-Антуан еще не проделывал.

Миновав Олдгейт, они шли еще очень долго. Наступавший декабрьский день не очень-то охотно разгонял стылый туман. Вокруг теперь сновали люди на вид приличного достатка, часто на глаза попадались клерки в одинаковых темных костюмах, с подножек частных карет спускались джентльмены, с самодовольным холодом озирающие улицу. Иногда их сопровождали очень милые женщины, иногда, наоборот, лишённые привлекательности, но никогда не лишённые изящества своих нарядов.

Увидев общество подобное тому, что привык видеть всю жизнь, Жан-Антуан будто бы сделал плоток свежего воздуха, и настороженность, с которой он следил глазами за разбойником и его другом Тидом, сменилась хладнокровной уверенностью. В конце концов, путешествие завело его в приключения, о которых юноша грезил годами напролет. Но привычный для француза мир не исчез одновременно с тем, как нога Жана-Антуана ступила на британскую землю. Волей безумца разбойника этот мир просто остался для юноши по ту сторону стены лондонского Сити.

Неожиданно обернувшись и коротко оглядевшись, Чарли скользнул мимо Жана-Антуана деловито внимательным взглядом, но, углубленный в быстрый поток своих мыслей, он даже не заметил юношу и вместе с Питером Тидом быстро свернул с оживленной улицы в переулок. Замерев на секунду, Жан-Антуан подумал сначала, что они свернули из-за него, но вспомнив странности разбойника Бродячие Штаны, решил, что ему не показалось, будто Чарли вовсе его не узнал, и этот поворот, вероятно, входил в план маршрута. Поэтому юноша уверенно двинулся вслед за ними.

Уйдя с оживленной улицы и никого не увидев впереди, Жан-Антуан перешел почти на бег. Чуть дальше между домов слева темнел проход в другой еще более узкий проулок. Следы на снегу вели именно туда.

Тихо подкравшись к углу дома, он заглянул в проулок: Чарли стоял в его конце, подозрительно оглядывая стены, а Питер Тид, опустившись на колени, держал кирпич в одной руке, а другой тянулся в отверстие в стене, откуда вынул кирпич. Когда он достал руку, в ней звонко колыхнулась связка ключей. Чарли восторженно покивал, дивясь изощренной изобретательности своего старого друга. Вернув кирпич на место, они спустились вниз по ступеням в подвал одного из домов окружавших тесный внутренний дворик в конце проулка. Когда дверь за ними закрылась, Жан-Антуан поспешил туда.

Со всех сторон поднимались высокие с налипшим снегом стены без окон. И без того тесный внутренний дворик имел вдобавок и палисадники, огороженные кованными заборчиками. Спустившись по ступеням к двери со стеклом, юноша заглянул внутрь. За дверью была

небольшая пустая комнатка с низким потолком. Он тихо вошел в полумрак подвала. Слева имелась еще одна дверь, глухая двустворчатая с полудюжиной замков. Жан-Антуан нагнулся к замочной скважине. Перед дверью никого не было, за ней, похоже, располагалась большая заставленная стеллажами подвальная комната, свет в которую попадал через окна на другой стороне здания. Ни голосов, ни звуков пребывания там людей не доносилось. Жан-Антуан с волнением решал, входить ему или нет, но невиданное любопытство, делавшее его предприятие невероятно значимым для него самого, толкнуло его на этот опрометчивый поступок. Если идти, так до конца!

Он медленно и осторожно потянул дверь за ручку и просунул в щель голову. Заставленные стеллажи делили комнату на несколько коридоров, по-над стенами, кроме стены напротив входа, стеллажей не было. Потолок в этом помещении был значительно выше.

– Для чего тебе они все? – послышался голос Тида, заставивший Жана-Антуана притаяться.

– Важнее вещей просто не существует, Питер. Для всего!

– Все равно не понимаю.

Голоса звучали в центральном проходе между стеллажей.

Жан-Антуан открыл дверь пошире, просочился внутрь и спустился по ступеньками в комнату. Прокрался к стеллажу, за которым стояли Чарли и Питер Тид.

– Погоди-ка, – настороженно произнес Чарли и, прищурившись, присмотрелся к большим запыленным банкам, что стояли в стеллаже справа от них, наполненные вязкой мутновато-рыжей жидкостью и плотно закрытые стеклянными крышками. – Эти переставлены! Ты же говорил, здесь все в порядке?

– Как ты можешь утверждать с уверенностью, ты не видел их почти восемь лет, а они все к тому же совершенно одинаковые!

– Ты их трогал?

– Жутковатые они для меня, я к ним и пальцем не прикасался.

– О! Чудесно! И вправду на своих местах. Ты прав. Ну, пойдем дальше, – проговорил Чарли, приглашая Питера двигаться вперед.

Жан-Антуан перевел взгляд на стеллаж и со странным чувством разобрал, что в банках не только омерзительная на вид мутная жидкость, но и бабочки. В каждой банке было по одной бабочке, и на каждом стеллаже стояли банки с бабочками одного единственного для этого стеллажа вида. Сотни или, может быть, несколько тысяч банок занимали весь подвал, больше на стеллажах не было никаких других предметов.

– Ты что-то конкретное хотел...

– Тише, – нараспев произнес Чарли. – Мне нужно сосредоточиться и вспомнить, она может быть где угодно.

Чарли поводил пальцем в воздухе, озирая единственный стеллаж, что стоял вдоль стены напротив входа.

– А это может стать проблемой, – с удивлением признал Чарли.

Питер Тид стоял молча, не зная, стоит ли ему уточнять, о чем говорит Чарли, и сосредоточенно пялился на банки.

– О! Ну, разумеется! – бодро воскликнул разбойник и скрылся за поворотом, потом вернулся с невысоким табуретом в руках. Уделив большое количество внимания установке табурета строго по центру прохода между стеллажами, придвинув его к стеллажу у стены, Чарли взобрался на табурет и уставился глазами в выраставшую напротив его лица стеклянную банку.

– Восхитительно! – с благоговейным придыханием прошептал он.

Питер Тид недоверчиво сдвинул брови. Юноша сильнее высунулся из-за стеллажа.

Медленно смуглые грязные пальцы разбойника обхватили банку, внутри которой в густой мутной рыжине синел разлет ярких крыльев создания величиной с детскую ладонь. При этом в остальных банках стеллажа были одинаковые бабочки, но другого цвета.

Черные глаза расширились, неотрывно глядя на сокровище, которое Чарли держал в руках. Он не мог поверить, что, наконец, вернулся, чтобы взять ее в руки.

– Эту я тоже не переставлял, – предупредил Тид. – Не знаю, как она оказалась среди других.

– Я ее поставил сюда, – любовно прошептал Чарли, наклонив банку. Неяркий дневной свет пронизал жидкость и крылья бабочки, и на дне банки блеснуло что-то еще, чего прежде не было видно. – Теперь я одержу победу.

Спрыгнув на пол, Чарли быстро направился в сторону Жана-Антуана и, увидев неуспешного спрятаться юношу, так же быстро остановился, ошарашено уставившись на француза.

– Питер, скажи, ты и сейчас тоже его видишь? – не отрывая глаз от перепуганного Жана-Антуана, через плечо приглушенно уточнил Чарли, чтобы юноша, стоявший в нескольких футах впереди, его не услышал.

– Да... – отозвался Тид позади.

– Ты кто? – с угрозой спросил разбойник Жана-Антуана.

– Я Жан-Антуан... ну, эм... Джон.

– Нет-нет-нет, – хитро посмеявшись, помахал пальцем Чарли и плотнее обхватил банку, словно защищая ее от француза. – Настоящий Джон сейчас во сне свистит своим сломанным носом в доме на Собачьем острове вместе с до смерти пьяными ворами. К тому же, упрямец Джон не назвался бы Джоном добровольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.